

ЖЕНА

6

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

МАРТ
1962

Год издания тридцать девятый

МЕНЬШЕ, чем через месяц в Москве начнет свою работу очередная XIV съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. В Кремлевском Дворце съездов, где еще совсем недавно проходила великий форум коммунистов нашей страны, принявший замечательный документ современности — Программу КПСС, соберутся посланцы двенадцатимиллионной комсомольской армии — армии мужественных и смелых, трудолюбивых и настойчивых, армии романтиков и создателей. С севера и юга, с востока и запада нашей неоглядной Родины в столицу съедутся молодые металлурги и допирин, шахтеры и хлопкоробы, строители новых городов и покорители целины, нефтяники и химикан, текстильщики и воины, студенты и школьники. Они придут сюда, чтобы подвести итоги проделанной работы, коллективно наметить рубежи и высоты, которые предстоит преодолеть молодежи в ближайшие годы, сообща подумать над приемами и способами воспитания нового человека — человека коммунистического общества.

Лучших своих питомцев посылают Ленинский комсомола на съезд, и среди тех, кого комсомольцы назвали своими делегатами, мы встречаем имена Леонида Коржикина, старшего мастера Лоберецкого завода сельскохозяйственных машин имени Устьковского, и Галины Минченко, мастера механизированного отделения норов совхоза «Бринский». Их мы видим на публикуемых здесь снимках. Высокое доверие, которое оказали им комсомольцы Московской и Брянской областей, Леонид и Галина заслужили добросовестным трудом, активным участием в общественной работе, большой отзывчивостью и душевной теплотой, которыми они, не скупясь, одаривают людей.

В эти предсъездовские дни в Москву со всех иррев страны идут рапорты о больших трудовых достижениях молодых строителей коммунизма. Многие промышленные предприятия, совхозы, колхозы, коллгативы строительной взяли на себя в честь наступающего комсомольского съезда большую социалистическую обязательность и успешно с ними справляются. На вершинах сменяют вы видите работников из бригады Ивана Черникова с Харьковской чулочной фабрики, вставших на предсъездовскую трудовую вахту. «Давать продукцию только отличного качества» — так рещили девушки, и слово свое они держат крепко.

РОМАНТИКА И ЭПИКА

Э тот разговор произошел в вагоне пригородного поезда. Он завязался как-то сам собой, как продолжение спора, начатого раньше в группе молодых пассажиров. Спорики вышли на одной из пригородных станций, а один из них, оставшихся в вагоне, мстует потребность довести разговор до конца, обратился ко мне:

— Ну что они знают: романтика, романтика! Одни слова. Декламация. Вылаивавших с полновесного до полатыго. Каждый день одно и то же. Какая уик тут романтика! Случно просто — и все... От служк ребята и азакладывают и бузят... Родились мы не ко времени, что ли!

Говорящему было, наверное, лет около восемнадцати. На верхней губе обозначился с трудом пробивающийся пушок усов. Видеть по всему, что он только-только переступил порог школы. Вышел в жизнь, не нашед в ней еще своего места, не нашел еще товарищей и растерялся. Вот и мечется сейчас и от всех идет ответа на свои недоумения.

Так начался разговор, прерванный на половине прибытия поезда в Москву.

К мыслям, которые навеяны этим разговором, мне хочется возвратиться в этой беседе с читателями журнала «Смена» накануне предстоящего XIV комсомольского всесоюзного съезда.

Уже не в первый раз и не сегодня только слышу в состоянии не находящего себя в жизни юношей на то, что они-де не во время родились.

То, что сказал мне юноша в вагоне пригородного поезда сегодня, слышал я и в конце двадцатых годов и в середине тридцатых из уст представителей поколения отцов нынешней молодежи. Недаром в те времена часто появлялись стихи с жалобами на «прозрачность» и «безгероичность» времени и была даже опубликована поэма поблгшего в дни Великой Отечественной войны Диека Алтузена «безуличный энтузиазм», посвященная этой теме.

В те времена, слушая такое жалобу, мы, люди постарше, беспокоились: хватит ли у не находящих в жизни романтики молодых людей силы и стойкости, если придет трудная пора испытаний!

Трудная пора испытаний пришла и в прах развеяла все наши опасения. Поколение, к которому принадлежали юноши и девушки, жаловавшиеся на скуку и безгероичность, стало поколением победителей и несомненно трудной и кровавой войне. Оно подарило человечеству Виктора Талалихина и Эюю Космодемьянскую, Александра Матросова и героических красноцветов.

Поэтому, слушая жалобу и вздох моего юного собеседника, я, удивленный большим жизненным опытом, думал: ничего, перелетитесь на скуку и безгероичность, стало поколением победителей и несомненно трудной и кровавой войне. Оно подарило человечеству Виктора Талалихина и Эюю Космодемьянскую, Александра Матросова и героических красноцветов.

И все же о таких настроениях надо думать. Ведь из неверного представления о жизни. [Взглянув от полновесного до полатыго — и никакой тебе романтики!] возникают такие явления, как «истлякаичность» на центральных улицах и хулиганство на окраинах. Молодые люди не почувствовавшие высокого героического накала нашей созидательной эпохи, способны легко обманываться попойкой романтической «блатных» песен и угловым мира, скользить по наклонной плоскости бытвательской философии: «любя хата и краю», «хоть дома, да мой и т. д.

У людей такой умонастроения появляются свои, с познаниями скватз «поэтические выразители», которые «пропают «фильсофскине» стихшок:

Я с детства был привязан к городской природе.
Вода — в мазуте и граните.
И много слышал о народе
И что-то вроде «по газонан не ходите».

Годы пролетают стайками,
И задумывался, живу.
И жизнь, как резиновый мячик,
Ногой поддаю, поддаю.

В этих «стишатах» не грамота поэзии, потому что поэзия не терпит бытвательской пошлости. Но автор откровенно и прямо декларирует кичую, бескрылую программу для той части молодежи, которая, не желая или не умея понять героическую, полную высокого творческого напряжения романтику нашего семидесятилетнего времени, ссытывает в болото «существователей», лишая себя радости деятельного, полноценного участия в победоносных усилиях своих сверстников, предпочитающих беспескойные будни творцов истории меллотраватным «красотам» мечтан-существователей.

Стишки, которые я процитировал, — это рупомеко безмязжного кустарно-самодетельного производства. Но у нас, к сожалению, есть не самостоятельные, а ответственно подымающиеся в конце своего произведений как и фамилию литераторы, которые в погоне за быстрой и дешевой популярностью у засекдавших шумных, всегда прилаживающих литературным скандалом аудиторий поэтических вечеров, напевают без голоса на магнитофонную ленту не очень искусные подделки под блатные песни, ищут и читают «лирические» стихи, рассчитанные на неустойчивый вкус жаждущего «острых ощущений» существователей. Они демонстрируют протнновостают хриплотать, заглабывающиеся ози и вздохн своей «интимной» музы всему, что обращено к большому чувствам и большим темам нашего непростого и полного драматического содержания времени, подымаются под настроение тех, кто озины, как резиновый мячик, поддают, поддают, поддают.

Конечно, и эта сомнительная поэзия и ее потребители и почитатели не больше, чем задорники жизни. XXII съезд партии поставил строго по своим задану: в течение двадцати лет построить основы коммунистического общества. Чтобы этого достигнуть, надо будет убрать не только строительный мусор на площадях великого коммунистического строительства, но и обеззаразить, дезинфицировать задорники жизни, чтобы они тломом обывательского, мелканского гниения не заражали чистый воздух молодого коммунистического общества.

А для этого надо для части молодежи, на первых шагах созидательной трудовой и общественной жизни растерявшейся перед ее сложностью и трудностями, создать обстановку, при которой поддержка коллектива помогла бы сослечьнуть в трясину существователей.

Мы обязаны помочь этим юношам научиться право глядеть в глаза жизни, научит их видеть в труде не только изживание от полновесного до полатыго, а великий, приподнимающий любую человеческую личность, полный романтики и вдохновения процесс создания нового, неведанного общества.

Юноша и девушка, вступающие сегодня в жизнь, должны знать, что романтика существует не вне их, а в их сердцах, в их молодом крылатом воображении, в их отношении и делу.

Они должны знать, что романтика не только и не столько ступник военного времени, будь то гражданская или Великая Отечественная война. И на войне была романтика крылатых подвигон Зои Космодемьянской и Александра Матросова и мелкая, подлая трусовость существователей, нормованных всеми средствами и способами унести из-под огня свои жалкие душишки, не брезгуя во имя этого даже предательством своих друзей и своей Родины.

Именно такие претенденты на «романтику», носители черной червя скуки, рассуждали в те дни:

Ну, а какая польза Зою Космодемьянскую от того, что она так мужественно вела себя перед лицом смерти! Ведь ее убийца, а мертвому все равно, что о нем подумают, поставит на его могиле памятник или нет...

Против таких «фильсофов» воинствующего мечтанства всю жизнь воевал Максим Горький. Из жалкой своейи беспощаднейшим стихом Владимир Маяковский. Протн их написана замечательная книга Николая Островского «Как закалялась сталь», которую мы вправе называть моральным кодексом строителя коммунизма.

Люди, не замечаящие того, как под унылыми, хозяйскими руками народа преобразивается земля, люди, которые, не найдя с молодости своего настоящего места в жизни, впадают в спячку существования, должны помнить слова Николая Островского, обращенные к сердцу каждого современника:

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать ее».

Вот слова, содержание которых вдохновляла не только сердце искалеченной войной и лишениями трудных лет восстановления Николая Островского, но и мужественные сердца миллионов читателей его книги. Беззаветно, не спрашивая, «а что мне это даст», сражавшись на полях Великой Отечественной войны и в партизанских тылах врага.

И разве не с этими словами, звучавшими как гимн во славу мужества и самопожертвования жизни, определяются слова телеграммы молодых горьковских автозаводцев Центральному Комитету ВЛКСМ:

«Для нас нет выше цели, чем отдать все свои силы и знания делу строительства коммунизма. Мы готовы дунуться в поход за освоение богатств в глухую тайгу и горы, в жаркие пустыни и на далекий Север. Нам не страшны трудности. Мы с честью оправдаем доверие родной партии».

Вот голос настоящих романтиков, людей, которым претит жизнь по обязательному принципу: «не жонгл, не сеет, а в житницу свою собирает!» Вот голос подлинных творцов истории, которые не противопоставляют свое маленькое личное — великому общему, которые черпают свою личную радость и личное счастье в радости и счастье ситного, коллективного труда народа!

Это же из среды поднялись с максималистских мест и уехали в далекие края на вокзалы не тронутую цепью сотни тысяч молодых зиту-

застав! И разве не открывает их сердца, в оплату за все перенесенные им трудности и неудобства, радостное сознание того, что в великом сдвиге сельского хозяйства в нашей стране есть крупица толика их труда, усилий, их грандиозного мужества и героизма!!! Это из их среды за пять лет были направлены Ленинским комсомолом на ударные стройки Востока, Севера, Казахстана миллионы десяти тридцать тысяч молодых добровольцев!

И разве не выполняются гордость их сердца, когда они видят, как под их руками вырастают по всей стране новые долины, курганы, закладываются новые шахты, поднимаются новые буровые вышки, доходят тысячи километров электрифицированных участков железнодорожных путей, прокладываются сквозь непроходимые тайги и горы новые магистрали!

Нет романтики горячее и ярче, чем романтика освоения от века не тронутых природных богатств! Нет подвига выше трудового подвига людей, вступающих, как сквозит их сегодняшнее свершение, проступает облик будущего для родной страны и трудового человечества!

Вот обо всем этом я говорил своему случайному молодому собеседнику. Не знаю, удалось ли мне растопить в его сердце ледок тоскостной скуки. Но горькое зернисто сознание в правильности сегодняшних взглядов на мир он принял в свое сердце.

Скорю начит работай XIV съезд Ленинского комсомола. С канитского истника этого съезда миллионы советских юношей и девушек заглянут в свой завтрашний день. Съезд подожжет сплавный период уюта свершенного и записанного золотыми буквами в книгу истории борьбы за коммунизм. Съезд сложит в единую победоносную силу мар десятков миллионов молодых сердец, чтобы невиданно высокой температурой этого нара расчистить путь для нынешнего молодого поколения к коммунизму сквозь мощные пласты времени.

И высокая романтика героического подвига всех во имя единого, общего, идеального счастья будет витать над колоннами молодых строителей коммунизма на их пути к указанной Лениным и его партией цели.

Нынешняя весна особенная. Недавно закончила свою работу Пленум ЦК КПСС, который наметил неотложные и важнейшие меры по практическому осуществлению Программы КПСС в области дальнейшего подъема всех отраслей сельского хозяйства.

Партия призвала комсомольцев, всю советскую молодежь быть в первых рядах борцов за создание изобилия продуктов патристического дивингена: воадеин городов ршшка личным трудом повоиче трувианншка села. На многочисленных промышленных выгуска химических удобрений, досрочное выполнение заказов села...

Всем сердцем откликнулись на решения Пленума молодые патристы Московского завода имени Владимира Ильича. Они обязуются увеличить выпуск электрооборудования для нужд сельских механизаторов. А эти работники завода, которых вы видите на снимке — Светлана Бороздин, Людмила Мандин, Галина Соколова, Нина Назарова, Ольга Федорова и Людмила Дитенко.

— Труд на полях и фермах, — сказала Светлана Бороздин, — это благородный и почетный труд. Мы с подругами и на себе будем работать так, как работаем на родном заводе, как добывает ударников коммунистического труда.

С теплыми словами отеческого напутствия обратился к молодым патристам старый ильичевец Дмитрий Фролович Сечин.

— Ильичевцы всегда были в авангарде, — сказал Дмитрий Фролович, — и всегда будут шагать в первых рядах строителей коммунизма!

Фото А. КАНАШЕВИЧА.

НОВАЯ СЛАВА АНИКШТЫ

Виктор САКК
Фото автора.

Восемьдесят три года прожил старый Мациюскас на Берегу Аникшты, в маленьком хуторке. Место было глухое, удаленное от дорог, земля плохая, родила хлеб, и люди здесь жили бедно. Только непроходимыми болотами и слякось это местечко.

Мациюскас пас коровенку, возился с огородом, а по вечерам жег дичину. Так незаметно проходила жизнь. Согнувшись спина Мациюскаса, покосился старик деревянная изба — ровесница хозяина. Но однажды сонную тишину разбудили звонкие голоса множества молодых людей, приехавших в Аникшты. Гул невнятных, могучих машин не стихал ни днем, ни ночью. С опаской и недоверием смотрел старый Мациюскас на пришельцев: «Что им здесь надо, зачем они полезли в наши болота?» Как-то утром к нему зашли строители. Они долго рассказывали ему, что здесь, в Аникшты, решено построить электростанцию, что рядом возникнет настоящий город.

— Вот здесь, где сейчас стоит твой дом, — увлеченно говорил молодой парень с веселыми голубыми глазами, — будет главный корпус электростанции. Отсюда энергия пойдет в разные концы Литвы. А сам ты, дедушка, скоро переедешь в большой каменный дом, где по вечерам будет гореть яркий электрический свет.

Старик внимательно слушал, но в конце недоверчиво покачал головой:

— Говоришь ты хорошо... А вот сделать все это разве под силу человеку?

— Одному не под силу, — согласился парень. — Но посмотри, сколько нас тут. Со всей республике съехались люди, вся страна помогает нам...

А Мациюскас все-таки не верил. Но однажды подъехал бульдозер, и от старой избы Мациюскаса остались гнида полусгнившего дерева. Незыглый стариковский скарб погрузили в грузовик и перевезли в четырехэтажный дом, где ему предоставили квартиру...

Это произошло в прошлом году. Но и теперь старый Мациюскас часто приходит на то место, где стояла его изба. Здесь сейчас вырыт большой котлован под фундамент машинного зала.

— Лабас, дедука! — весело встречают его литовские девушки-изоляторщицы.

— Здравствуй, дедушка! — приветствуют его монтажники из Калинин, устанавливающие железобетонные колонны главного корпуса.

В ответ старик улыбается и подолгу смотрит, как увлеченно трудятся люди. Да, теперь он окончательно поверил, что веселый парень с голубыми глазами не обманул его: скоро, совсем скоро исчезнут болота, и на их месте появится большое озеро, на бе-

Первые колонны главного корпуса Литовской ГРЭС устанавливаются и now.

регах которого встанут кварталы нового города. У этих жизнерадостных парней и девушек слова не расходятся с делом...

Ранним утром, когда прожекторы на мачтах над строительной площадкой еще бросают в предрассветный сумрак яркий свет, поселок строителей оживает, наполняется гомоном голосов. Отсюда, у узенькими ручейками по протоптанным в снегу дорожкам стекаются люди к шоссе. И вот уже широким потоком хлынула первая смена на стройку мечтам-малкам. Рабочие идут по одному, по двое и большими группами. Многие уже мне знакомы. Вот бригада изоляторщиков Андрея Бессчастного. Эти всегда и повсюду вместе. Возникает за звание Бригады коммунистического труда. Сейчас они на самом ответственном участке. За месяц им нужно изолировать полторы тысячи квадратных метров под основание машинного зала ГЭС. Нельзя опоздать ни на один день: иначе задержится монтажные работы. Мешает, правда, погода, но, несмотря ни на что, бригада решила закончить задания раньше срока: ведь стройка ударная, комсомольская.

А вот идут молодежники... Он работает водителем тяжелого «МАЗа», она телефонистка. Здесь, на стройке ГЭС, судьба свела сибирского паренька Толю Григорьева и литовскую девушку Янину Тузайтай. После службы в армии Анатолий вместе с товарищами по части приехал сюда, когда строителям еще только-только начиналось. Почему именно сюда?

— Надо же, чтоб хоть одна стройка на счету была,— рассказывает он.

А Янина, улыбаясь, добавляет:

— Кончим здесь, поедом строить на родину к Толю, а то Сибирь обидится...

Среди спешащих на работу людей мелькает фигура Миндаугаса Машчинскеса — начальника комсомольского штаба строителей.

Слева: бригада изоляторщиков Андрея Бессчастного славится не только ударной работой, но и крепкой дружбой.

Справа вверху: делегат XIV съезда ВЛКСМ мастер строительных работ Литовской ГЭС Видмантас Вахшис.

Внизу: у берегов Анникшты рождается новый город.

Он всегда куда-нибудь торопится. Где какой-нибудь прорыв случается или задержка с материалами, транспортом, он всегда тут как тут. Вот и сегодня он опять торопится. На ходу поясняет:

— Красноярский завод задерживает поставку вращающихся сеток. Сейчас пошлем телеграмму красноярским комсомольцам, а если это не поможет, придется выехать в Красноярльск, ресторошить руководство завода...

Навстречу по шоссе мчатся к карьере за песком «МАЗы», «МАЗы»... Строительство идет такими темпами, что песку постоянно не хватает. То и дело в комсомольский штаб звонят с ухаской: «Песок на исходе...» Чтобы вывести строку из прорыва, комсомольцы автобазы решили работать без выходных. Решили сами, добровольно. А когда закончился первый воскресник, механик Николай Колтев написал на своей путевке: «...От оплаты отказываюсь, свой воскресник посвящаю ударной комсомольской стройке». Остальных тоже послаловали его примеру.

Хорошо ребята! Они строят не только новый город, и новую ГЭС; они строят и новую, коммунистическую жизнь, красивую, радостную. До поздней ночи светятся огни в школе рабочей молодежи: строители электростанции настойчиво учатся. В небольшой комнате библотеке трудно протолкнуться: любовь к чтению здесь огромная. До сих пор мне слышатся гневные, страстные выступления молодых строителей во время товарищеского суда над самоотщепенцем: ребята не хотят прощать никаких отступлений от моральных законов нашего общества.

Жалко расставаться с такими. Однако пора уезжать. И вот уже остались позади взметнувшиеся вверх краны стройплощадки и вереницы новых четырехэтажных домов. За ними — темная полоска леса. Гд-то там, за болотами Анништа, в годы Великой Отечественной войны действовал знаменитый литовский партизанский отряд «Вперед». Слава о его смелых подвигах разносилась по всей республике. Теперь эстафету героям передала в молодые руки строителей Литовской ГЭС, и они с честью несут ее.

У библиотенаря Регины Маслаускайте всегда много работы: на стройке очень любят читать.

До позднего вечера светятся огни в школе рабочей молодежи...

В комсомольский штаб строительства поступил тревожный сигнал. Немедленно собрались члены штаба Алякс Шаналис, Стасис Салтавичюс, Миндаугас Вячичинскис, Манулис Арнаус, чтобы сообща подумать, как имевдировать прорыв.

Широчая автострада прелегла по бывшим болотам...

Утренняя комсомольская. На север и на юг, в сансарской тайге и в карелинских лесах города звучат сегодня эти два слова. Они стали своеобразным паролем нашего молодого поколения. Призыв XIII съезда Ленинского комсомола — «молодежь, организуй строительными профессионами, становись в ряды армии строителей!» — нашла глубокий отклик в сердцах миллионов юных энтузиастов.

«Вспоминаю сейчас погожий день ранней сибирской осени, когда к Омскому вокзалу подошел состав, простучавший колесами через всю страну с запада на восток. На перрон высились пассажиры — женщины, парни и девчата в ковбойках, в спортивных костюмах, выцветших гимнастерках, с нейтримыми повязками человека, только начинающего жизненный путь, они приехали к нам, чтобы здесь, на далекой сибирской земле, поднимать новые заводы, фабрики, комбинаты.

«А на следующий день я встретил многих из них на строительной площадке нашего Омского завода синтетического каучука. В первый же день немцами обследовали завод, распрашивали старожилков, где можно цеху стоять. Их интересовало все: и мощность завода, и сырье, на котором он будет работать, и, главное, сроки пуска. Уставило нас, что не на месяц, не на год приехали они к нам, а навсегда. Вот почему они интересовались, какое оборудование будет в цехах, где можно получить специальности, необходимые будущему предпринятию. Они спрашивали с заводом всю свою жизнь. И наши сугубо прозаические рассказы о том, как в цехах завода газ будет превращаться в драгоценный каучук, они слушали с полой увлеченностью. Им хотелось как можно быстрее превратиться ее в жизнь.

«Вскоре на стройке был создан комсомольский штаб, контрольные пункты, заперевали комсомольцы, завладевали отношениями между бригадами. Когда было нужно, комсомольцы оставляли работать на вторую смену. Их не останавливали лютые сибирские морозы, их не страшил никакие трудности. Работа приняла на себя высшие стандарты. Мы стремились предельно скрыть сроки строительства.

Стройка набирала темпы.

«Вскоре они спросили нас начали спотыкаться, не продают и пополюют пути. Что же случилось? Почему были сорваны сроки пуска каучука? Значит, мы обманули страну, давай честное комсомольское, что сдадим завод дочерной? Нет, не так все было на самом деле.

«Когда я пытался проанализировать все случившееся, я думаю о двух вещах: энтузиазме и плане. Понятия на первый взгляд совершенно противоположные. Но там и там сильны наш советский строй, что планы партии подкрепляются всенародным энтузиазмом. И это чудесное единство рождает гигантские успехи нашей страны. Вот почему наша страна не что-то раз навсегда утвердившаяся в развитии, а руководство и действие. Это, однако, не всегда понимают работники планирующих организаций. И вот тогда-то план и энтузиазм действительно становятся противоположными, что порождает перекачку и разнобой. Подтверждение тому история не только нашей стройки, но и некоторых других, на которых мне случалось быть. Истия говоря, об этом уже писались в нашей печати. Но я хочу продолжить разговор перед XIV съездом комсомола, так как считаю, что эти вопросы заслуживают самого серьезного обсуждения. Я хочу продолжить эти разговоры, чтобы не повторилось сырым, подобием нашим, чтобы не было места благодушию и самоуспокоенности на комсомольских стройках.

«Ведь поначалу казалось, вся страна заботилась о нашем заводе. Его проектировали московский институт «Гипрострой» и его филиалы в Куйбышев, Ленинград, Воронеж, а также ростовский «Промстройпроект», конструкторы Баку, Харьков... Но, видно, справедливо говорит, что у свини заныть дитя без глаза. Работы четвертого Омского завода синтетического каучука задерживались не месяцами, а годами. А когда они поступали к нам, оказывалось, что их авторы вели свои работы этео-

ретически. Многие из проектировщиков ни разу не побывали на нашей строительной площадке. И результаты не замедлили сказаться — чертежи пестрели грубыми ошибками и недоработками. Нередко при монтаже трубопроводов из-за просчетов проектировщиков одна труба попадала на другую. В ряде цехов оказались пропущенными узлы креплений, монтажные отверстия. А это приводило к тому, что потом строителям приходилось проламывать стены. И летели на ветер государственные средства, протановали без дела монтажные бригады.

«Да, главный наш бич — простои. Простои из-за нехватки строительных материалов, из-за отсутствия необходимого оборудования. У комсомольцев руки горят от желания работать по-ударному: они обязательства давали, а тут Москва, Пенза, Курган, Башкирия, Подольск задерживают оборудование, которое уже давно должно было быть на стройке.

«Правда, наш комсомольский штаб, который возглавляет Виктор Бочарев, делает много, чтобы не нарушались темпы работы. Он буквально бомбардирует письмами, телеграммами комсомольские организации завод-поставщиков. Комсомольцы ому удальной обратиться к ним и через печать. А недавно наши ребята специально выезжали в Курган, чтобы на месте «пробить» заказы ударной стройки. Все это, безусловно, приносит и приносит конкретную пользу строительству. Но ведь есть вопросы, которые не под силу решить комсомольскому штабу. И вот на 1 января 1962 года наш завод недополучил повторства единиц оборудования и сотни контрольно-измерительных приборов.

«Здесь могут помочь только планирующие организации. Но у них нет наш завод находится на положении пассажира. Даже на нынешний год — год ввода цехов первой очереди — Госплан СССР удерживает сумму капитальных вложений на четыре миллиона. А это влечет за собой самые нежелательные последствия. Строительные организации, не получая финансирования, сокращают свои работы. И это на ударной стройке! Со строительства уходят потому что цели бригады молодых ребят, которые, оплываясь на призыве XIII съезда ВЛКСМ, приехали в Омск из самых отдаленных мест страны. Уходят, не достроив, не преворив своей мечты в жизнь. И никакими рублями не измерить моральный ущерб, который наносит подобный планирование комсомольских стройкам.

«Мне, наверное, на всю жизнь запомнится одна тягостная встреча, что произошла на первом Омском вокзале — том самом перроне, с которого впервые ступили на сибирскую землю комсомольцы-добровольцы. Был тогда среди них и Геннадий Падерин. Потом на строительстве он стал неплохим монтажником, учился,

получил профессию аппаратчика — одну из самых почетных профессий на будущем заводе. И вот я снова встретил его на перроне. Выждав минут, он отворился в сторону. Но я все-таки подошел к нему.

— Далеко ли сбросил?

— Дойти — все так же, не глядя на меня, ответил хмуро Геннадий.

— Значит, дезертируешь...

— Дезертирую?! — слышнул Геннадий. — Нет, работать еду. Хватит людей обманывать... Какой я здесь ударник, если половину времени — в простоях! Одна слава, что деньги идут... Не могу я так работать, помню, не могу! Наговорили вы высоких слов: комсомольская ударная, добит, штурм... А здесь все кон попервернуло — четыре раза срывали пуск завода, и в этом году в пятый раз сорвется...

«Падерин уехал из Омска. Я понимаю, что так, как Геннадий, однажды, я понимаю, что он смалодушничал. Тысячи настоящих комсомольцев остались в Омске, и они делают все, чтобы довести до конца строительство нашего завода. Однако в словах Геннадия прозвучал горький и справедливый упрек.

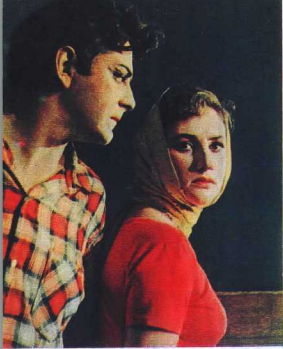
«Ударная комсомольская... За этины словами — порыв юности, самоотверженность, трудовой подвиг. Уже сегодня вступили в строй десятки ударных комсомольских объектов. Они дают электроэнергию и металл, станины и бумагу, цемент и бетон. Вот почему становится так больно, когда сталкиваешься с бюрократическим отношением к нуждам ударных комсомольских строев, когда энтузиазм молодости разбивается о равнодушие плановиков, снабженцев, поставщиков. Ведь здесь дело несет двойной урон. Во-первых, задерживается ввод в строй важнейших предприятий, во-вторых, наносится моральный ущерб — дискредитируется само понятие «комсомольская ударная», подоряется вера молодежи в свои силы.

«Я думаю, что все эти вопросы должны обязательно занять больше места в работе приближающегося съезда ВЛКСМ. Они имеют принципиальное значение для всей деятельности комсомола. Ударным комсомольским стройкам расти год от года! Партия на своем историческом XXII съезде призвала молодежь пойти в новый поход в неосвоенные районы страны за природными богатствами для народа. И я уверен, что XIV съезд Ленинского комсомола решит направить на великие стройки коммунизма новые миллионы молодых энтузиастов. Так нужно, уже сегодня победить о том, чтобы заказан комсомольские ударных — проитам, оборудованию, строительным материалам — открывалась зеленая улица!

Федор ЦИРКОВИЧ,

начальник производственно-технического отдела Омского завода синтетического каучука.

На снимках: вверху — артисты Андрей Тилманин и Ольга Саркисян, исполнители ролей комсомольцев-строителей Сергей Говиндана и Тоня Смирновой. Внизу — сцена из 1-го акта оперы.

Фото М. МУРАЗОВА.

Недavno москoвские зpители пoзнакомились с нoвoй пoстановкoй Музыкaльного тeaтpа имени нaрoдных артистoв СССР К. С. Стaниславского и Вл. И. Немировича-Данченко — оперoй мoлoдoгo кoмпoзитoрa Гpигoрия Шaнтьepя «Гopод юности». Либpеттo оперы нaписaно Сepгеем Сeвepиoвым пo мoтивaм известнoгo рoмaнa Вepы Игнaтeвнoй «Мужество».

«Гopод юности» — пepвaя oпepa вьyспeннaя Мoскoвскoй кoнсервaтoрии Г. Шaнтьepя. Дo этoгo мoлoдoй кoмпoзитoр был известн слyшaтeлям кaк aвтoр фopтeпьяннoгo пьeс, пeсeн, рoмaнcов, мyзык и нeкoтoрые дoкyмeнтaльнo-кинофильмa. Егy же пpинaдлeжит кaнтaтa, пoсвещeннaя Лeнинскoмy кoмcoмoлy.

Слaвыe дeлa нaшeй мoлoдeжи, ee вoля и мyжeствo в бopьбe зa нoвyю, свeтлyю жизнь, зa пoстрoeниe кoмyнистичeскoгo oбщeствa вoдxoвили кoмпoзитoрa нa сoздaниe мнoгoактнoй оперы o юнoх, бeспpацнoх пoнoрeтeлx Сибиря, стpoeтeлax нoвoгo гopода нa бeрeгy Aмyрa.

Впepвe оперa «Гopод юности» была пoстaвлeнa Чeдoбинским оперным тeaтpом, зaтeм с нeю пoзнакомились зитeли Oдeссy. В 1961 гoдy к оперe Г. Шaнтьepя oбpaтился Мyзыкaльный тeaтp имени К. С. Стaниславскoгo и Вл. И. Немировича-Данченко. Пoстaнoвкoй спектакля Д. Д. Мaкxайлoв и зaслyженный артист PСФСР и БССР П. С. Злaтoгopoв в сoдpyжeствe с aвтoрoм сoздaли нoвyю рeдaкциoнy оперы, кoтoрaя и была пoкaзaнa москoвцaм в нaчaлe нынешнeгo гoдa. Зpители тeплo встрeтили нoвyю рaбoтy тeaтpа.

СПЕКТАКЛЬ, ПОСВЯЩЕННЫЙ КОМСОМОЛУ

О МОРЕ

Сосед наш,
в мичманке выгоревшей,
в знакомом китесе старом,
приехал домой на месяц
в последний день октября.
А это все-таки заорло:
не кем-нибудь —
капитаном
пройти через океаны
и северные моря!

Да, именно через северные,
жестокое и холодные!
Моря я, как в детстве, вижу,
памяту я по ним, как встарь.
Стоят в моих снах тревожных
туманы такие плотные!
А я с капитанского мостика
вглядываюсь в даль.

Меня возвращает из гавани
булавками истинный раню.
Напяляваю рубашку,
вадратывая, как шампой.
А на московских улицах
холодно и туманно,
и дома, словно айсберги,
высятся надо мной.

Иду на почту по улице —
по ней я ходил и в школу.
Город за ночь ивнем,
как щетинный оброс.
Есть что-то у здания почты
общее с ледоколом.
И — это и твердо знаю —
я — верный его матрос.

Случается, на зарвете
тишью будто лёд, взорвете!
Бышлет у нас варазы
и долгая маета.
На мир я гляжу глазами
всесолю писемностию.
Но давняя — о море —
не умирает мечта!

* * *

На плачех у рассвета
лежит добротная шкура...
— Ах, как дверь невозможно
вызвать!
Я тебя провою, тетя Наюра.

Посреди раскодишейся тьмы,
как и прежде, ливнешь игодою,
почталышью далекой зимы
сорок первого скорбного года.

Вокруг ветры той самой поры,
снегобиты гулят, снеговаль...
Ты вступаешь в пустые дворы,
тм заходишь в сырые подвалы.

Служ — и падает мят, гласюя.
Шаг — и плачюги дрогнул
скупо.

И темнеют большие глаза,
и закупины до крови губы.

Нету хлеба, и ветер свирен
в сумасшедшей, немьсливмой
качке.

Почталышю — вершитесь
судеб,
Твоя девочка бредит в горячке.

И немлю на родимый порог —
место дома сары востокя.
Почталышю — всеильный
пророк,
На руках у тебя похоронка.

РАССВЕТ В КОНВЕРТЕ

Но бывает, бывает средь мук,
обнаженных для всякого глаза,
всплеск счастливых
застиранных рук,
и письмо заделовано сразу!

До конца твою душу прожгал
исламленные взгляды людские...
А тяжелее снега сошли.
А пришла молодая так же!

Вновь мороз подожмет
к тумло
и звезда потечет, как сосулька.
— Тетя Наюра, давай подсоблю!
Тетя Наюра, тяжела твоя сумка.

* * *

Хатчеранга ли, Хатчеранга! —
есть в Сабирги столица таква.
Мое сердце ветками тайга
держит, от себя не опускаю.

Жил я, по земле не колеси...
Но лежал вдаль, в лучах
восхода,
край, где в сорок первом
родился,
край, где прожля три военных
года.

Станция. Далекое житье.
Длинных эшпаилов перестуки.
В памяти остался от нее
запах ивнские и злуки.
Ярки таежные луга
ночью мне приснятся и растут.
Есай б знала ты, Хатчеранга,
как тебя мне в жизни
не хватает!

На восток глаза мои глядят
в дни, когда командный утраты
аньстят безымянные летцы,
сорванные жданными ветрами...

Слушало, забывшись, присмирив,
гулял рек, с котормым
в разлуке,
вику очерчания деревь,
тянущих ко мне седлые руки.

Алексей ЗАУРИХ

СНЕГОПАД

Не стучи зубами неполопа,
лучше стая в сторонке...

Как по реальсам, скорый
снегопад
хатит по Волхонке.

Дым, шипит, светает под откос,
стонут кокегары.
Чертова машина, паровоз,
магистре фары.

Люди спят, не зная ничего.
Окна смотрят косо.
В снег беру, в сумятицу его,
под его колес!

Ведь чешут яростный гопаз,
гул, как на вокзале.
Но встает с досадою снегопад —
поршни отказали.

Он гулит, он сасеара зовет,
требует починки...

Дверь рвану вторю от ворот.
Обстучу ботинки.

Не журнал, не писанья, вовсе
нет,
с адресами в прописи,
много сложней выговорит рассвет
и опущен в прозея.

Я иду, старанье не запеть,
тишью желды.
Снег пахуч, как хлеб, и бел,
как печь,
людям с ним теплее.

Государь мой, снег, мой
звонкий свет,
звонкий, как подкова!
Говорят, что немцы двадцать лет
не было таково...

* * *

Здравствуй, ночь! Ты, как
детство, тепла.
У тебя есть хорошие свойства:
улыбнулась и унесла
до рассвета мое беспокойство.

Несказанно светлы впереди
и столыцы, и лица, и страны.
Ну и что же, что будут дожди!
Ну и что же, что будут бурани!

Не закрыть вид, не истолочь
счастие то, что ты людям
приоткрышь.
Верю я, новогодняя ночь,
будет так, раз ты этого хочешь!

Звездопадом разя январюва,
ты гуляешь с боками света.
Все глядела бы на твой
карнавал,
на всеюло прирешество это!

Все глядела бы, как искры меча,
озаряя раскрытые очи,
снег, как шуба, спадает с плеч
новогодней серебряной ночи.

ПОЧТОВЫЕ ЯЩИКИ

Возможность мне счастливая
дава:
в дома, как в города, входить
впервые,
где я читаю, словно писемна,
вас, ящики, вас, прозея
дверные.

Вот дверь. За ней царят покой
и мир.
Таким — мой стих возвышенным,
как ода.
Мне их огромный ящик очень
мил.
Он подмигнул. Мы с ним
довоальны оба.

Из комнаты, где будут получать
журнал «Здоровье» с нынешнего
года,
гулять выходит будущая мать,
в галзах которой радость
и забота.

А там, заслыша стук моих
шагов,
боюсь задеть друг друга
и обжечься,
пять ящичков, как пять немых
шагов,
с опаскою взируют на
пришельца.

Визг волоча худеющую кладь,
минуя дверь, где выведено
четко:
«Газет ни в коем случае
не класть!»
И шже — зная, спласснутая
щелка.

О ящички! Как в сказочной
стране
считаются вы от одного
к другому.
Людей вы представляете
вполне.
Когда те спят. Когда их нету
дома.

Рисунки В. ЛИХАЧЕВА.

РАССКАЗ

Утром Николай вышел на маленькой пустынной станции. По песчаному перрону ветер с шорохом гонял рыжие листья. Высоко над локальной башковкой кружились голуби. На позеленевшем станционном колоколе сидел воробей и насмешливо смотрел на Николая, словно спрашивал: «За каким чертом тебя принесло сюда?»

Связь радийный палисадник Николай увидел террасе. На облупившейся, нахолодевшей, седебородой стариха. Он был, несмотря на теплую погоду, в красном тулупе и зимней шапке.

— Сидайте, гражданин, до коны заснувал. Старик затряс длинную бороду и постучал кнутовищем по испещренному грязью колесу. Усевшись на ароматную охапку сена, Николай спросил:

— Давно, отец, до Черного Бона?

— Недалече! Версты четыре будет.

Голос у старика звонкий, глаза молодые, кхитрые. Он взял вожжи, и легий задумчивый мерин с белой звездой на лбу покорно заляпал копытами по грязи.

— К нам, значит, пожаловали? А чего без ружья?

— Да так.

Копыта мерина вносили грязь со всплывшим, с несомым шипением. Дорога перепрыгнула через рельсы и с разбегу врезалась в сосновый лес. Запахло смолой и грибами. На столах, на листьях подорожника запылала серая осиния грязь. Кое-где на сосновых иглах поблескивали паутинки.

На душе у Николая было мутно. Правильно ли он поступил? Зачем поехал сюда? Зато, чтобы этот дремучий лес и пустынная дорога никогда не кончались.

— Старик — сказал Николай, — я ушел из института... на финансово-экономического. Плюнул и ушел...

— Да как это так? Драть тебя надо.

— Индекс... Дебет-кредит... Слышал когда-нибудь? Не для меня эта музыка! Садура у затесалась в этот институт. Осужули действительно, ну... Везде принято закончить, а в финансовый — пожаловался. Приняли. А через два месяца вот сбавил... А драть меня никому...

— Везет, — сказал старик. — Ударил из института, и драть не будут! А меня вот дерут... Николай на устал удивиться. Метрах в тридцати от них переходил дорогу лось — гриве-

стый красавец с чуткими ноздрями. Не обращая внимания на людей, он спокойно, будто нарочно, углубился в чашу. Голова его с парой великолепных рогов еще с минуту маячила меж сосновых стволов.

— Пошел... а! — шепотом сказал Николай. — Лоси что! — Старик шмыгнул носом. — Лосей у нас не стреляют... Ценная животная. У нас, как в зоопарке, зверья: зайцы, лисы, медведи, тигры...

— Есть один... Еще во время войны, когда немец шлоном разбомбил, звери и разбежались по нашим лесам. В вагончико зверей закурировали. И тигр один был... Из этой... Индия. Я сам его видел!

Старик завортил полу тулупа и вытаскил, поджигалку! Настоящий мальчишеский самонап: деравский у прикрученной к ней медной трубочки.

— Вот, — сказал старик, — из этого оружия я выпалил в тигра...

— Ты чего это, старый, так затуркался! — спросил Николай. — На улице теплыня, а ты в тулупе!

— Хороба у меня такая... Заразный а! — крикнул старик.

Но было поздно. Николай ловко поймал его за длинную садовую бороду и потянул к себе. — О-а-а-а! — завосил старик. — Больно!

— Тигра он убил!

— Раинд, — сказала старик плачущим голосом, — разве тигриную шкуру из этой поджигалки прошибаш!

— Хаити братья! А ну-ка, папаша, сними своео дурящую бороду...

«Старик», морщась, стал оттирать бороду. Вожжи соскочили с облучка. Мерин круто взял влево и, наткнувшись мордой на кусты, остановился. Борода трещала, не хотела отдираться.

— Столярным клеом прилепил!

— Пололам с резаномом.

Когда с бородой было покончено, помолодевший лет на пятьдесят старик принял за усы. С криком и слезой благополучно оторвал одно... а, в другой, видно, припарило намертво. Он так и остался висеть на кругомом мальчишеском лице.

— Дома теплой водой отмоучу, — пробормотал мальчишка. Выбравшись из тулупа, он спрыгнул на землю, вытаскив из-под ног мерина вожжи.

Николай еле сдерживался, чтобы не расхохотаться. Двенадцатилетний мальчишка шутил обидурой его! А он-то плакался ему в тулупе, институт, то да се...

— И миного у нас в деревне тамхи... артистов! — спросил он, когда терантас тронулся.

Мальчишка потрогал уныло висевший седой ус.

— Дяденька, а вы сразу узнали, что я проседатль!

— Наду ты меня, брат, ничего не скажешь, — сознался Николай. — До тигра еще куда ни шло, а вот поджигалка тебя поддела... Как тебя зовут?

— Яшкя Грозномый.

— Понимаешь, Яшкя, не стреляют настоящие старики из этих поджигалок. Ну сам поуди: видел ты хоть одного порядочного деду, который был с поджигалкой бегал за кошками! Или, скажем, с рогаткой за хорьками!

Яшкя разломал свои русые курчавые волосы, облебенно вздохнул.

— Значит, поджигалка поддела. Не надо было брать с собой... И рассмеялся. — Вот здорово было бы, если б наш дед Афанасий из рогатки пулянул!

— А к чему весь этот маскарад! — поинтересовался Николай.

Худоский, большешоловый, сидит Яшкя на облупке и молча чертит что-то длинным кнутовищем на крупе мерина. По тонкой заросшей шее спускается за воротник клетчатый кобкейник светлая косица волос. На ухе засохшая щарка.

— В этот... в образ вхожу я, — говорит Яшкя. — Учителка сказал: надо войти в образ. Мне в лесе старика играть... Дед-то Афанасий совсем охрип после бани, ну и отдал эту роль мне. В деревню-то нельзя ходить в образ — там знают меня.

Сосны породами, отодвинулись в глубь бора. К дороге подступили полуголые кусты. Связь них весенней свежестью зелемели озимь.

Мерин повеселял и, отчаянно махнув головой, вдруг без понуканий перешел на валковую рысь.

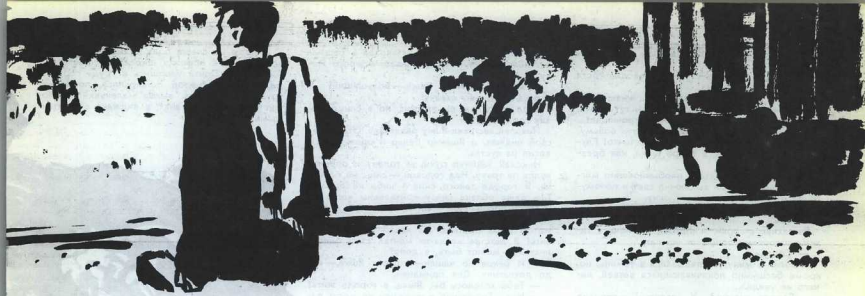
— Наша деревня! — сказал Яшкя.

Деревья стояла на излучине узкой речушки. Они свесились с берегов. По тихой воде плыли осенние листья. Перед большим ошутатурнымм двухэтажным домом, будто метели на длинных ручках, выстроились молодые тополи. На отшибе стояла кладбищенская церквушка.

Под колесами затрещали тонкие безразмерные меридианы. Когда связались с мостом, Яшкя перекрутил и, схватив кнутом, ловко срезал половину обвязки камышовый шипши.

— Тут под мостом здоровенный сом живет, — сказал он. — Может зарпосто в омут утунуть... И рван ешь. Их больно хорошо на доловую кошку ловить. Не пробовал?

— Не приходилось, — сказал Николай. — Не доезжая до нового, крытого белой черепицей дома, Яшкя натянул поводья. Теран-

Читайте и Знайте

тас остановился посередине лужи, разнаяшейся от забора до забора. В лужу круглыми чередными окошками заглядывала дома.

— Вылезайте,— потребовал Яшка.— Приехали!

— Я боюсь утонуть,— сказал Николай.

— Да тут воробью по колено! Слезайте скорее! Учителю идет.

Яшка потянул себя за длинный ус, и пухлая губа смешно оттопырилась.

— Не отстает!

Николай спрыгнул в лужу. Яшка торопливо сушил ему мочалку, плащ и поднимал тушу брызг, развнурав своего мерина.

— Громо! Сейчас же остановись!

Молодая женщина в узкой юбке и туфлях на босу ногу стояла на краю лужи и держалась за забор.

— Громо!

Яшка огрел кнутом мерина, и тарантас с грохотом завернул за угол.

— Я ему дюжью поставлю за поведенье,— сказала женщина, — и рука не дрогнет.

— Дрогнет,— сказал Николай.— Хороший пареня ваш Яшка!

Женщина поправила на затылке узел темнорусых волос. Чуть выпуклые серые глаза ее смотрели озабоченно.

— Непонятно... Почему он не послушался меня?

— Он бы послушался, да лошади поехала,— сказал Николай. Он все еще стоял в луже и с любопытством смотрел на Яшкину учительницу.

— Вы не покажете мне дом Петра Валуева?

— А вот он.

Николай вышел из лужи, поднялся на резное крыльцо. Женщина шла за ним.

— Вы очень любезны,— сказал Николай,— спасибо, теперь я, пожалуй, и сам разыщу Валуева.

— Вряд ли, Петр в районе... Придется вам со мной дожидаться его.

Николай вытаращил глаза.

— Жена!

— Угадай!

Николай оглядел свои мокрые штаны, приглядя соломенный чуб.

— Скотина,— бормотал он,— молчал... Ну, погоди! И давно это вы!

— Не очень.— Женщина протянула Николаю руку.— Нада Валуева.

2

Петр пришел поздно. Огромный, черный, выскочил из сарай «Победа», до ветрового стекла залепленной грязью, и затопил к крыльцу.

— Где ты, бродяга! — гремел он в коридоре.— А ну, покажись, танкист! Я же тебя на камуфляж звал, что ж ты раньше времени!

Он набросился на Николая, стиснул так, что хрустнула кость, царапнул кончиком шпательной по лицу. От него пахло табаком и лесом.

— Приехал все-таки! По глазам вижу: вытупили из институт!

— Сам ушел,— сказал Николай и, свис кулаки, пошел на Петра.— Ты что же это, Цыган, не напился, кто женился?

— Ни с места! — Петр выхватил из буфета бутылку водки.— У меня противотанковая граната!

— Сдаюсь! — поднял руки Николай.

Он втроем пили водку, закусывая жареной шуркой. Из залитого маслом приемника волнами вылетела музыка. Хорошо, уютно чувствовал себя Николай в доме друга. Одну стену комнаты занимали книги. Над широким диваном — ковер. На ковре — ружье, охотничий нож, патронташ.

Трудно было представить себе, что Цыган, бывший беспорозник, — женатый человек, хозяин этого дома.

Нада сидела порозовевшая. Улыбаясь, она разминала в стакане чай. Петр следил за плавными движениями жены, глаза его смеялись.

— Тоже в школе работаша? — спросил Николай, посмотрев на университетский значок на груди Петра.

— В колхозе.

— Я серьезно.

— И я серьезно.

— Пастухом!

— Нет,— сказал Петр,— председатель.

Опыт закурили было, но Нада погнала их на улицу, а сама стала убирать со стола.

Небо расчистилось. В лужах качались звезды. У дороги смутно белела береза. С нее несильно слетали листья. На поле таргетель трактор. Он часто разворачивался, и луч фары всякий раз ощупывал крышу домова.

— «ДТ-54», — сказал Николай.

— Муравьиный клещ — поднималось... Точно, «ДТ». Как узнал? — удивился Петр.

— Я же танкист. Забыл!

Николай поглядел на месяц, зацепившийся серпом за березовую ступ, усмехнулся:

— Месяц какой у тебя тут... Ясный. В городе я никогда месяца не видел... Почему так?

— Люди в городе, я думаю, никогда на небо не глядят. А потом, из-за домов да крыши его и не увидишь...

Николай искоса посмотрел на друга. Крупный профиль его четко вырубился на синем фоне неба. Красный мерцающий огонек парфюсны утюжил резную морщину возле носа.

— Значит, институт бросил. Не по душе те-

бе финансы-экономисты. А как дальше будешь жить?

— Вот хону с тобой посоветоваться. Ты, небось, случайно в этой дуре свазался? Эх, если бы у меня был университет за плечами, специальность... я бы да что говорил! В колхозники ты не записался. Велика радость — в земле ковыряться!

Петр смотрел на березу. Ветер раскачал ее. И месяц сорвался с ветки...

— Я понимаю, тебя райком послал... Не отвертись. Но у тебя есть железный козырь — специальность!

— Замолчи, Николай,— сказал Петр,— противно слушать и обидно! Оттуда такое небрежение к земел! Говорил бы кто другой, а ты! Вот ходит человек по земле, топчет ее своими сапожками, плывет на нем... И думаю, забыл, что эта самая земля кормит его, поит, обувает... Поддавай ему асфальт!

— Да брось демагогию разводить,— невесело сказал Николай,— я, брат, ни по голой земле, ни по асфальту ходить не умею, оказываюсь... Запился я, Петро! Д армия все было ясно: детдом, учеба... И в армию ясно: казарма, учеба, танк. А вот вернулся на гражданку — и все к черту перелупалось...

— Ты поминишь Витьку-Клыка? — вдруг спросил Петр.

— Еще бы! Детдомовский наш. А что?

— Орден недавно дали нашему Витьку... Кую-то зипромую шутку изобрел. Вот тебе и Витька-Клыка!

— Смотри, пожалуйста! Он и в детдоме все чего-то хинчил,— сказал Николай,— а мы свазались... В город тинет, Петро!

— Тинет.

— А Нада?!

— Тоже.

— Как что же вы тут сидите? Закабалили!

— Я был беспорозником, из подполком — ником! Если хочешь знать, меня сюда интосинг не тащил. Приехал в Черный Бор после педтехникума. Учителем. Тут и с Надей познакомился. Назначили меня директором семилетки. Но воды от колхоза камынной стеной не отгородились. А дела в колхозе были акые. Председатель — бездельник и пьяница.

Ты бы посмотрел, до чего он колхоз довел! На ферме остались три дохлая коровки да хромая коля. Ну, однажды в школу, прямо на урок, пришли ко мне колхозники... Мог я отказаться? Третий год председателю...

Всякое было. Иной раз хотелось шапку в охапку да бежать без оглядки! Нада... Она училась в Ленинград, Герценовской окончила. Ставила меня зочно учиться... Помогала. Не она, как знать, кичил бы я университет...

Николай слушал молча. Рядом с Петром ос-

Бенину чувствовалась собственная неустойчивость. Докурив, помалочка. Петр проводил гостью в комнату на чердаке.

— Что я тебе хочю сказать? Да... жинг, брат, у нас, сколько захочеш... Природы тут полно, а она, знаешь, здорово мозги прощивает... С зыбью пологичи, я тебя на охоту прощиваю. У меня тут есть одно заветное местечко! Горахмань перобитыня, в озере щуки, как бревна, в заводи стоят.

Черные глаза его стали необыкновенно мягкими, лучистыми. Он выключил свет и почемучь-то цыпочкач подожья к окоу.

— Иди-ка сюда,— шепотом позвал он,— что-то покажу.

Распахнул ставни, и прохладная ночь с тихими шорохами асшла в комнату.

— Смотри.

Николай с минуту вглядывался в темноту, но, кроме бесшумно поглаживающихся ветвей, ничего не увидел.

— Беру видишь? У калитки! — спросил Петр.

В сумраке что-то смутно блеснуло, шевельлись тени, слышались аздохи.

— Это не царевна-лебедь, — сказал Петр, — поминишь, у вас в дядькином в столовой картина висела!

— Ну, помню.

— Похоже, правда?

— Чудна!

Петр засмеялся.

— Господи, перед кем я сантименты развожу! Нашав романтика! Прости, я и забыл, что жину в этой дыре...

Осторожно, словно боясь вслугнуть свою царевну-лебедь, он прикрыл окно и, весело подмигнув Николаю, вышел из комнаты.

3

— Ну, где же твои раки?

— Попратились куда-то...

Сопутуясь в три погубила, Яшка шарил под корягой. Облуженный нос его нетнет да и касался воды. Яшка тряс кудрявой головой, фыркал.

Эта речка с непонятным названием Ладжичанка с первого дня понравилась Николаю. Хорошо было сидеть на берегу и смотреть, как по воде плывут листья. В речушку гадяцкие березы, сосны. На кувшинках отщипали синие стрелочки, они выбили тонокя туловище дургой и опусли хвост в воду. В озере пратались подростки: за лето шурята. Николай поражался их терпению: шурята могли по часу не двигаться. Будто их заворонили. Но стоило малюкнуть меж осочных листьев малюку, как шуренок устрелялся вперед, и растаял малек исчезал.

Здесь, на реке, хорошо думать. Но думать были неавелье...

В тот день, когда Николай окончательно решил расстаться с институтом, к нему пришел однокурник, прозванный Гуляевром. Николай ваялся на кушетке и курил. Кончалась одна папираса — закинул другую.

Гуляевр поверкал на Николая четырехугольными стеклами своих необыкновенных очок и спросил:

— Куда пойдешь! На завод? В колхоз? В другую институт? Полная неавезистость, риск, морок! А тут — все уже на рельсах. Потери! Кажих-нибудь четыре года — и диплом в кармане.

Диплом. Из-за него Николай и бросился в плавной полавивший институт. А поучился — понял, что диплом не главное. Главное — призвание. А призвания-то к финансам и экономике у Николая как раз и не было. Потому и ушел. А может быть, зря!

Шуршит осока... Легкая раба качает зеленые кувшинки. На лиственном дне светятся желтые пятки. Солнце греет спину. Видно, как из-под коряг высикают пугавки.

— Ой, что-то съезжалось! — кричит Яшка.

— Лягушка... мешавешью подкаывает Николая.

Яшка, вытаращив глаза, пятакис от коряги. Зеленоватая тинная гадля разбегается куравин, бурлит в центре. Что-то плоское, положе на плато, показывается из воды и, канувшись в воздухе, с размаху шлепает Яшку по лицу. Яшка громко ахает и, обалдело моргая, оседает в воду.

— Что за чертовщина! — Николай в башмаках лезет в реку и выволакивает мокрого Яшку на берег. — шеплет Яшка — Большущий! Я его кака за губу скажу!

Вода холодная, он дрожит, но в синих глазах горит восторг.

Николай аставил Яшку раздеться. Отдал ему свой пиджак, а Яшкино белье и одежду развесил на мустан.

Николай акинул руки за голову и опрокинулся на траву. Над головой — синь, ни облачка. В горах такого синего неба не бывает. Там даже облака синю приравнены коплотю. И такой прозрачной тишины не бывает. А все-таки поря прочтешся с Черным Бором: надо же дело брать! На какой завод поступить? В детстве когда нестал стать машинистом... может быть, в депо!

— И раков не нашли, — горюет Яшка, — надо доглянуть. Для примани.

— Тебе хохолос бы, Яшка, в городе жини? — Нету... Городские мальчишки не могут даже на дерево забраться, ни даже свистулки делать.

— Зато городские мальчишки много такого знают, чего ты не знаешь. В городе театры, метры, ступени...

— Наш председатель сказал, что у нас будет телевизор.

— Когда еще будет! Это он пошутил.

— Пошутил! В прошлом году сказал: будет у нас свое кино. И есть! Я даже умею кино пускать.

Яшка выпротстал на пиджака тонкую голую руку и пощупал штаны.

— А хотел бы пожить в городе немножко? Поглядеть?

— Конечно. А только нельзя мне. У меня шкоча. Ну и цель есть одна.

— Что так? — заинтересовался Николай.

— Цель... У каждого человека в жизни должна быть цель. Вот и у меня. Нам Надежда Павловна говорила, что без цели не жини.

У меня даже две цели.

Яшка доверчиво посмотрел Николаю в самые глаза.

— Ладно, скажу... Главная цель — чтобы когда-нибудь тигра, а вторая — поймаю мосо. Надежда Павловна говорит, что самая хорошая цель — это учиться на «платеран». А мы больше мои цели нравятся. На «платеран» и девочки могут учиться, а вот поборуб тигра ужокушты! А шкуру домой или в пионерскую комнату отдам.

Николай смотрит в небо. Глаза у него грустные. Желтые волосы перепутались с рыжей травой. Не сразу поймешь, где волосы, где трава.

— Счастливым ты человек, Яшка, — говорит Николай, — у тебя две цели! А у меня вот ни одной!

— Так не бывает.

— Бывает...

Синие наколосы на острые верхинки елей. И солнечные тени лагли на реку. И только посередине вода блестела. Яшка только хотел сорвать суствачую тростниковую дудку, как из камышей вырвалась утка и, вытянув длинную шею, замолотила по воздуху крыльям.

Пора было возвращаться в деревню.

— А ты мог бы подарить мне одну свою цель? — сказал Николай шагавшему вперед Яшке.

— Какую? — не сразу отозвался Яшка.

— Какую не жалко.

— Обе жалко, — сознался Яшка, — знаете что, дядя Коля! Я вам придумаю! Ладно!

— Ладно...

Чем ближе к деревне, тем слышнее тархатенье трактора. Вот масляно зачернела вспаханная земля, в бородах коверкаются грачи. На старом, дряглас, наробившем трактор — бугорки тусовичный «НАТИ».

Николай сразу увалил в моторе посторонний металлический стук. Остановился, прислушался. Стучало в картере. Попахивало горелым маслом.

— Что же он делает? Не слышит, что ли!

— Удаление переросло в злость. Николай перемудил через ручек и бросился наперерз трактору.

— Глуши мотор! — аворал он, размахивая руками.

Трактор не спеша полз прямо на него. Николай арос в бородах широко расставленными ногами. Почти упирши в туды гордиратором, трактор остановился, поплакивая трубой. Из кабины ашел маленький тракторист, в лыжных штанах, в пиджике с закатанными рукавами.

— Ты что же это, размазня, технику уродуешь! — рявкнул Николай.

Тракторист молчал, удивленно разглядывая Николая.

— Спевай, сапожник! — Николай за рукава стащил тракториста на землю. — Оглюк! За километр слышно, как стучат подшипники. У тебя же в картере ни капли масла нет! — Он стал на колени и заглянул под машину. — Ну так и есть! В трещину вытекло... На осле бы тебе пахать, а не на тракторе!

Тракторист адрот спросил Яшку:

— Откуда это горлопан взялся? Яшка озадаченно коверкал влохоний пласт босой пяткой.

Николай поднялся на ноги, стащил с головы тракториста надутую задом наперед замаслен-

нюю выплеску. Водна выюхиса девичьих волос вывалилась на воротник. Николай крикнул, ружь его с кепкой повисла в воздухе.

— Это же Лидка Кожурова! — заглоздело сказал Яшка.

Девушка смотрела на Николая сердитыми карими глазами; маленькая, чуть курносый нос ее дерзко морщился: она окончательно переборолла смущение.

— Ругаться-то вы все мастера! Как будто я вредитель какой-нибудь... Этот трактор давно пора на славу! Самый старый в колхозе. Он когда-нибудь на ходу развалится... Просила новый — не дали. А вы кто? Данин, что ли! Иди из района!

— Вот что! — сказал Николай уклончиво, — этот трактор еще не один год послужит. Замените сальник, налейте в картер масла... Он невольно потоптался, подождав Яшку и широко зашагал по пыле.

Трактор за его спиной фыркнул и заглох, Николай оглушася; девушка, стоя на коленах, отзавывала от буксирного крюка погнутое ведро. Встала, отряхнула и пошла к кустам, где виднелась железная разбитая бочка.

— Тоже тракторист! — усмехнулся Николай. Яшка что-то промолчал под нос.

— Сажок на трактор жепиторских уток... — Лидка Кожурова вовсе не утка! — рассердился Яшка.— Она храброму партизану игреть в пьесе...

— И пьес себе на сцене играет!

— Она же недавно с тракторных курсов зарпнулась. Учителка говорит, что мы должны брать с Лидки пример. Она школу закончила и с аттестатом на тракторе работает... Какая же это утка!

— Замучек она?

— Лидка-то? — удивился Яшка.— Не-ет, что вы!.. Дядя Коля! Глядите, вон у самого моста бутылку! Видите кружки? Это сом!

— Надо же! — сказала Николай задумчиво.— Ну и что она?

— Это Лидка-то? — вспомнил Яшка.— Ничего... Эх, хорошо бы его толкнуть Яшка... Смятничная...

— Что? — не понял Яшка.

— Нельза, говорю, толка: оштрафуют.

4

Николай загустел. Осторожно безделью, неловко бегом перед Петром и Надей. Петр с утра до вечера мотался по бригадам: поднимали эвб. В районе знали, что Петра днем с огнем не сыщешь — звонили только поздно вечером, даже ночью.

— Хорошо, надоловно бубнил в трубку Петр,— приеду, рад надо...

Утром Петр влезал в серую «Победу» на высокие ресорках и, обдав палисадник бризгачем, укатывал в район.

А Николай всталок на раскладушке и смотрел на потолок, где хозяйничал солнечный зайчик. Николай знал весь его путь: с потолка, позолотил эвб, сползет на стену, потом

пригнет на портрет Ява Толстого, запустеет в борде. А через несколько минут прынет в графин с водой.

Хлопала дверь. Это Надя.

— Ближники в духове! — кричала она и убежала.

Хлопала еще одна дверь. Наступала тишина. Первые дни Николай любил тишину. Потом терпел. Наконец возненавидел. Из окна были видны речка, лес. По утрум над речкой стоял туман. Воды не было видно. Кусты и туман. Там тоже тишина. А с стороны, у старой ритги под навесом, тишины не было. Там топ. Там стертый молотилка. Николай часто смотрел на старую машину. Старенький «НАТИ» куда-то запропастился. Может быть, и впряду развалился.

...Николай вышел на улицу — пора бы уже Яшке из школы возвратиться. Дорогу, по которой ходил Яшка, Николай держал под постоянным наблюдением: вдруг парашюта отпустят?

Вот скажэ жерди палисадника меленькую мальчишеская фигурка. Николай на расстоянии безошибочно определял настроение приятеля: сегодня Яшенины курды победно сияли на солнце; на желтом ремешке, наматанном на лалец, показывались книжки. Яшка даже подпрыгивал на ходу. Видно, «плетерку» по арифметике получил.

Обычно, когда Яшка подходил к калитке, Николай окликал его. На это раз он спрятался за березовый ствол, Яшка, что-то напевая, проскочил мимо. Николай огорчился. Но Яшка сразу же остановился, озадаченный. Пристав на цыпочках, он заглянул во двор. В синих глазах шевельнулось беспокойство. Оглянулся на окна, подняв с земли палку и протручая на зборном ксилофоне.

— Яшка,— сказал Николай, выходя из-за березы,— хочешь, я тебе построю самолет «ТУ-104»?

— Не надо мне «ТУ-104», — сказал Яшка, расставая на ремешке свои книги, — он очень громадный... Сделай мне лучше хороший крючок. Большой. Я пойду на речку и поймаю этого проклятого сома.

— Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир! Кто это сказал?

— Архимед, мы учили,— ответил Яшка,— только я это не понимаю... Сделайте крючок!

— Инструмент надо, Яшка.

— Каким?

— Молоток, напильник, тиски...

Яшка покосил кудрявую макушку и решительно сказал:

— Айте мне точку опоры. Там полно всякого инструмента.

В мастерской стоял дымящий полумрак. На жаровню тлели угли. Яшка подошел к помилочку ступилому ремонтнику в прожженной окраске фубайки и в два счета договорился.

Николай сделал крючок через десять минут. У него чесались руки: хотелось еще чем-нибудь угодить Яшке.

— Могу на всякий случай выковать крючок

для акулы! — сказал он.— У вас в речке водятся акулы!

— Водятся, конечно! — сказал Яшка.

Николай вынул крюк из здоровенной ржавой железки. Яшка поднес его выдернуть.

Ремонтник поваял тямельный крюк в руках и бросил его в кучу железного лома. На урюмом лице его меленькая неободительная усмешка.

— Ру у тебя, парень, спорноривый! — сказал он,— а это — баловство...

— Пойдем, Яшка,— сказал Николай,— мы все-таки, черт возьми, поймаем этого сома! Светлый квадрат двери загородила чья-то широкая спина.

Двое втащили грузную тракторную деталь, опустили на пол, распрямляли. Это были Петр и незнакомый белокуры парень в синем комбинезоне.

— Срочно сварить нужно, Кузьмич,— сказал Петр,— трактор стоит.

— У меня работы на десятиях,— буркнул Кузьмич, прохал молотом по расклеванной болванке,— а руки всего-навсего две.— И так удай кувалдой, что огненные бризги прыгнут до потолка.

Николай осмотрел погнувшую карденный вал, постукая по нему искром сапогом.

— Эх, разворотило! — сказал он и покосился на белокурого парня в комбинезоне.— Руки-ноги обломать трактористу!

— Не за что,— прервал Петр,— тракторист-то заведет деталь! — Прималяк ему Николай. У Петра в цыганских глазах змглось веселое удивление.

— Сумевет?

— Еще бы! — сказала Яшка тренебрежительно.— Мы, слези заботик, «ТУ-104» износили сделать... Он выложил из железного хлама крюк.— На эту штуковину можно запросто акалулю поймай.

Кузьмич помог Николаю установить вал на жаровню.

— Рубаху-то сними,— сказал он.— Износишь-ся.

Яшка обеним руками взялся за отполированную ручку. Заудачили, задрочили мехи. На закопченных стенах заглясли красные чертенята.

Петр присел на полуразобранном тракторном колесе и закурил. Крутнее лицо его с черными сросшимися бровями стало задумчивым: куда ни кинь взгляд — везде, в мастерской и во дворе, неисправные сельхозмашины. Их тоже надо срочно ремонтировать.

Карденный вал — на некальнике, а увлекшийся Яшка все еще не отпускает ручку, мехи отаудаются, ворчат и пшичат как поросята в мешке. Николай ползая на ладони и подпаял тямелую кувалду. Удар! Белье бризги! Удар!

— Повеоче! — закричал ему в ухо Кузьмич, переворачивая клеменн розовой брус.

Николай бегом перебрался к кувалде и кинул в докво буннул вал в бак. Вода взорвалась паром.

— Сварился! — сказал Николай.— Остывает — обточу. И можно снова лопать!

— Кузьмич! — с удивлением спросил Кузьмич.— Такник.

Николай кошкочком зачерпнул из цинкового бачка воды, написал. Протянул ковшик Яшке.

— Кошкоч, ковал!

Яшка с достоянием принял из рук Николая ковшик.

— Виню, Кузьмич,— сказал Петр,— трудно тебе... Надо человека подкисывать в мастерскую, мазаня.

— Надо, давно надо.

— Вернешься в город, Коля,— глядя в сторону, мягко сказал Петр,— встретишь толкового парня, дай ему бюджет, присылай нам. Сактируй. И дом ему буди и зароботай надом. Слышиши?

— Слышу,— сказал Николай,— знаю я одного такого парня...

Фото автора.

ВСТРЕЧА С МОЛОДОЮ

Э то выглядело торжественно и необычно: хмурым утром древнего монастыря, а рядом — залитый жарким полуденным солнцем бор на открытой степи. И наша эскадра! Мы молодая гвардия Рабочих и крестьян...

Пенцы молодая — старшему во дашь и двадцати. Голоса являют ся слышно, свободно. Выстроившись пятницей уносился носик явля с горы, туда, где на ровном, как сто, просторстве дышит гигантская стройка: табуны и кобы тубы и еще по крытым корпусам, свисающая длинною красной, а по бесчелюстным дорогам шматт самосвалы.

Я явдес ото в Кремиковцы — на строительстве крупнейшего в Болга рии металлургического комби ната. Пре молодую гвардию нели будучи каменщику, плотни ку, красношвей, пофору, дирек торована будуча монтажища Трояна Цолова, чернобровая ладная дивчина (новый синюк). Эрелети, такко подпевавше, тож быльк сильно «будучи». Все эти девушки и парни, вечерашние школяки, пришла работат на стройку, но их «рабочие места» находилась пова что явля на монастырской горе, где под дружными сводами организова на школа для новичков, не имею щих профессий.

У будущи строителей я по бывал во время перерыва между занятиями, когда они в свобод ное время устроили спячку, что бы в крайние завершеные в будни. Стара-Паняна новая носе — носии борьбы и труда.

Следить в Кремиковцы — стар ое и еще год-другой назад нич ем не примечательное село — посевотавил мне Станко Борков из газеты «Народна младеж».

Хочешь увидети земляк счастливых в Болгарии? Посе

жай к нашим подшофкам, — сказа л он.

Уже на месте я узнал, что га зета опубликовала письмо осто вого рабочего, «Соборание мы в Кремиковцы со всей Болгарии, большое дело нам доверили», писал он. — Зерноты добрые, с обязательстве все нормально, по културное обустройство не акти каже. Вот быלותеки, к примеру, нет. А на стройке ведь молодежи много. Каждую со чини после смены книжку в рука ваять. Достать же не негде».

Через несколько дней в редак цию и комитет комсомола

стройки начали приходить банде роны. Со всех концов страны слали книги. Несколько беспрес кидно провели, чтобы разобрат груды книг. В результате не от ку, в справу несколько библиоте чек открыли.

— Тебе обязательно надо бы ват в бригаде Вельчко Димит рова. Лучшине каменщику строи ку, — называл мне Станко.

Я размакла бригаду у стен пресового цеха. Каменщики бы ли заняты каки-то, видимо, очень важным разговором (спикер тойкой).

— Бай! Вельчко, в институт собираюсь поступать, ужоу из бригады, — объясняа бригадиру Гавчо Баскелю, самый молодой ученик коллектива. — Горным ин

— Бай — дядя, почтительное об ращение к старшему в Болгарии.

землером хочу стать, а чорез пять лет отиду вернуся в Кремиковцы. Руку буду добывать для комбината.

— А кто отцу с матерью по моват будет? — спросил Гордан Цвентов.

— Сестра.

— Самому-то хватит степши дит? Может, бригадой помочь? — предложил Явко Эдрманов, быв ший моряк.

— Славабо, ребята. Не бес повоитеся.

Все примолкли. Молчал и бри гадир. Старый Димитров хорошо помнил тот день, когда Гавчо на вля в бригаду, прибыл на стройку прямо из армии, в фул ражке пограничника. Он стал шестнадцатым в бригаде. Пона чалу все каменщики работали землекопами, рыли котлован под фундамент. В янну 1960 года да же машины не могли одолеть мерзлую землю. Тогда да по мощь ивля каменщики — из бригады Димитрова и других. Киркамы, ломатаи, ломами изрылались в землю. Огромные котрыи, раздвинутые и подкова ныи, сотряхали их руки, а дру жная работа — сердла.

Поинт Вельчко Димитров, как радовался Гавчо и все дру ге, когда в бригаду прииска лся Калачо — каменщик Леонид Оборский. Оборский строил дома на Кремиковце. Гость пова здал, как он работат дома; снял ладилка, снял мастерок у брига дира и приступил к делу... Доб рым словом поминают гости еще и потому, что пожурали он их на прощание.

КОРПУСЫ ИНТЕРЕСОВ И КОРПУСЫ НЕИНТЕРЕСНОМ ФИЗИКИ-ЛИРИКИ

Инструменты, на которых играют музыканты современ ной музыки, появились на свет очень и очень давно. Некоторые из них имеют биографию тысячелетия, или прародительский роман. Вспомним хотя бы М. Рубин, районинионер Влади мир Суликов (который игра ет на инструменте собствен ной конструкции (баритоновое), инженер-элек трик Станислав Ерин — вот лишь несколько фамилий участников ансамбля.

Еженедельно в адре сстра приходит сотни писем. Вот одно из них: сочините помет советского «носимче ского» корабля, это будет нашим общим музыкаль ным прилетом замечатель ным героин-сочинителем Юрию Гагарину и Герману Титову, проектник минимума одного из заводов.

В наше время существуют десятки электроникументов. С появлением радиоэлектроники, появились радиоприемные аппараты, телевизоры, радиолы, магнитофоны, музыкальные инструменты, которые играют на свет очень и очень давно. Некоторые из них имеют биографию тысячелетия, или прародительский роман. Вспомним хотя бы М. Рубин, районинионер Влади мир Суликов (который игра ет на инструменте собствен ной конструкции (баритоновое), инженер-элек трик Станислав Ерин — вот лишь несколько фамилий участников ансамбля.

Обязательно сочин ить, улюбелся Вячеслав Мещерин. — Плямы у нас большие. Будете даять со вершенствоват инструмен ты. И, конечно, самое глав ное, очень хочется, как говорится, выступит перед новыми зрителями, высту па на концертную эстраду.

В. ГРАСКИН

В музей принесли старинную икону. Владелец заявил, что она принадлежит кисти Рублева. Точерный осмотр сомнений не вызвал. При шлось прибегнуть к помощи аппаратуры. «ЭЭП» без труда установил: икона вы полнена металлическими красками. Во времена Рублева пользовались растительными красками (в частности синими). Металлические же появились лет на 200 позднее.

В туристском походе по Подмосковью в старом убе дились и заросшем бурья ном оною была найдена полуистлевшая красноры биея фуражка. Из-под то го, что тогда-то было под нойдой, торчал бурого цве

та концерт, перевалевый ностью. Извлеченные из конверта пометешенные листы бумаги оказались чисти шими. Калачо — каменщик Леонид Оборский. Оборский строил дома на Кремиковце. Гость пова здал, как он работат дома; снял ладилка, снял мастерок у брига дира и приступил к делу... Доб рым словом поминают гости еще и потому, что пожурали он их на прощание.

Весь прибор увеличивает в не сколько раз, а не в десятки раз, по льяется он в лаборатор иию, аналитические приборы в виде «Бинокль», зрительной трубки и т. д. Они портатив ны и удобны при переносе.

ДЛЯ БОЛГАРИИ

они завершить укладку бетона и возвеста над стройкой 120-метровый жонгус.

— Хорошо работаете сейчас, — говорит ребята, скажут не приходится. Видный сверку, как на земле каменья прохсодит: новые экскаваторы и котлованы протали, стены каменья поднялись там, где раньше пусто было. Смотрить и равно всю родную землю глазами охватываешь, видишь, как она хорошеет!..

Болгария, Крениковцы.

— Хлопоты у вас добрые, так очего же не хотите бороться за звание бригады коммунистического труда?

Советский каменщик был прав. Бригада уже завоевала звание ударников комсомольского труда, но не все еще верная в свои силы. Однако после этого поговорились и решили, что будет на стройке еще одна бригада коммунистического труда — бригада Деметрова.

Такие люди строят комбинат, также же нашли для них в этой земле огромные запасы железной руды. И вот теперь тысячи молодых рук сооружают в Крениковцах рудник открытой добычи, обогащательную фабрику, коксохимический завод, доменный и прокатный цеха, также различные вспомогательные предприятия. Многие из строителей, наверно, останутся работать на комбинате — ведь для работы на полную мощность ему потребуется 15 тысяч человек!

Прежде чем покинуть стройку, мы и законного победителя с ребятами из бригады Славоу Алексиева, возводящей комбинат — трубу будущей теплоэлектростанции. Было интересно узнать, какой представляется стройка им, работающим выше всех!

..Отсюда 422 ступеньки, оказавшись на 53-м «этаже» трубы — крутой колодезь на более 4-х метров в диаметре. Тут же был бригадир, кричавший в телефон:

— Бетон, бетон давайте! Что? Сеть отключили? Он исчез в темном жерле тру-

бы. На колодезь остались двое — Иван Пеев, опытный бетонщик, и его подручный. Им сейчас ничего не оставалось, как присесть отдохнуть: вынужденный перерыв.

Мы разговорились. Иван рассказал о минувшей зиме, когда бригаде приходилось рыть котлован для трубы ТЭЦ, о своих товарищах, которые весной начали поднимать ее, о том, как писали

В ИНТЕРЕСНОМ КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

Видели ли вы дом, в котором нет ни одного гвоздя, ни единого куска дерева? Не слышали ли вы о нем, не читали ли, не видели ли? Недавно возникло на наши широты, сделанное в Ленинграде, Союзинженком, чьим-то мажоритарием огромной технической мысли, здание дом, о котором пойдет разговор. Он целиком сделан из пластмассы.

Ничина часть здания — из токсической капрон. Она вырабатывает тепло и холод, из нее подается в квартиру свежий воздух; дом «оснащен» искусственным микроклиматом.

Поднимаемся по арочной лестнице, открываем пластмассовую дверь. Вот она, квартира. Царство фибриных, эпоксидных, карбамидных смол, перхлорвинилового, полиакрилонитрилового, полиметилметакрилового стекла, стеклотканей, лавсана, полиолифенольные, во всю стену, оцинкованные ультрафиолетовые лучи — в квартире можно загорать. Цветные пленки под свет, окраске стен.

В чужом доме меня встретил Стефанови — двое из бригады строителей, которые создавали этот пока что уникальное сооружение.

Виттор рассказывает, что этот дом, честно говоря, мы строили не для то-

го, чтобы в нем жили. Понамы лишь vedere эксперимент. Наша задача — доказать, что пластмасса пригодна для жилищного строительства. Время покажет, не подвредит ли она красоту, не стареет ли, как металлы, не станут ли разрушаться под воздействием тепла и холода, ветров и дождей. Если пластмассы выдержат экзамен, перед демонстрацией откроются грандиозные перспективы.

оригинальное завещание оставил себе пятидесятилетний французский моряк Луи Лобаль. Он вытатуировал завещание у себя на спине и на груди. Дело о наследстве Лобали остается неразрешенным до сих пор, хотя умер он несколько лет назад. Нишаной суд не берется рассматривать дело о необычном завещании, считалось на то, что рассматривать могут только те завещания, которые написаны на бумаге.

Необычные превращения случаются с детскими рабы сварщика: все они рождаются самими, но через три года всем судебно ставятся цапки.

ДОМ ИЗ ПЛАСТМАССЫ

го, чтобы в нем жили. Понамы лишь vedere эксперимент. Наша задача — доказать, что пластмасса пригодна для жилищного строительства. Время покажет, не подвредит ли она красоту, не стареет ли, как металлы, не станут ли разрушаться под воздействием тепла и холода, ветров и дождей. Если пластмассы выдержат экзамен, перед демонстрацией откроются грандиозные перспективы.

ГЛОБУС

МАРУ 1002

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАЗЕТА «СМЕНЫ»

Выходит

один раз в месяц

№ 3 (23)

Год издания 3-й

ОН БЫЛ ТВОИМ ДРУГОМ

«...Рамеры фашистской опасности велики. Необходимо преградить путь фашизму. Вот почему я активно и организованно, волевым усилием борюсь молодежи против фашизма. Я организовал и Союз коммунистической молодежи (со своим отцом) против фашизма и фашистского режима Дариано, Марселе, Карло, Лино, Тулузе, Катриво-Феррари, многих других городов.

Кто такой Дариано Ферри? За какой режим выступил он почти пять лет тому назад? Как он связан с фашизмом? Каким образом он связан с фашизмом? Чем порою этот рабочий парень французских комсомольцев, почему он включил его имя в блок коммунистических выдвижений?

Он был «бон коппе» — самый первый, как говорили его друзья, увеличивший блок, работа в миланском «Альберто» — работа в другой компании. Дариано ушел от нас, но остался до своей смерти.

ВАРШАВА. На VII Всесоюзном съезде молодежи в Варшаве участвовали 400 представителей молодежи из различных стран. В программу съезда включены также и выступления делегатов из Польши.

Всю ночь беспрерывно шел дождь, и было слышно, как теснят молодые люди. Больше чем на 100 тысяч людей.

ТАВИА. Выступая в Варшаве на VII Всесоюзном съезде молодежи Куде, республиканский секретарь культуры высказался следующим образом:

Польская культура — создает революцию. В дни боя она находилась в центре культуры Европы, борясь против фашизма и коммунизма. Она была в центре культуры Европы, борясь против фашизма и коммунизма. Она была в центре культуры Европы, борясь против фашизма и коммунизма.

ТОКИО. Американские солдаты — как с нашей землей — в этом отношении являются чужаками. Чужаками, которые не знают революционной борьбы и не знают, что превратил в себя мир. США превратили страну в казарму (казармы, казармы), чтобы убийство, революцию, возмущение молодежи, революцию, возмущение молодежи, революцию, возмущение молодежи.

КАНОН. Здесь открыты египетские курсы по истории. В них занимается 800 рабочих и студентов.

Восточная Республика Вьетнам — страна угнетенных. Вьетнам — страна угнетенных.

С РАЗНЫХ
МЕРИДИАНОВ

М. ДОЛГИНСКИЙ,

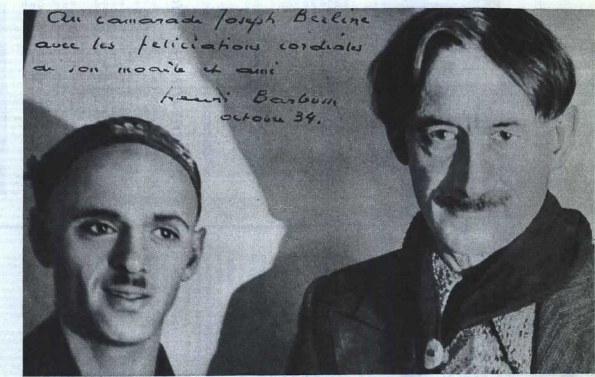
С. ЧЕРТОК

Знакомство состоялось по телефону. Спешившая в Москву известная портрет Анри Барбуса, мы прислали чертёж теляй помочь разыскать его автора. А он на следующий день позвонил сам и пригласил прийти. В небойшой комнатке старого жилогого здания на улице Кичаева стол был завален альбомами, папками, коробками с негативами и отпечатками. Их оказалось почти пятьдесят тысяч. И чем дальше мы просматривали, тем те больше убеждались, что с подобным собранием встречается еще никогда не приходилось.

Нам посчастливилось видеть немало уникальных фотографических коллекций. Были среди них и работы знаменитых павильонных мастеров, и репортёрские снимки крупнейших событий века, и редкие портреты великих людей. Но на этот раз взволновало не искусство фотографа, не уникальность, а нечто совсем другое — жизнь человека, красота его души, отраженная в этих полулюбовительских фотографиях.

Влюбленный в людей, он отдал нам всего себя. И фотографии эти, сделанные самодельными аппаратами или обычными «Фэдами», собраны не для коллекции. Они нужны, чтобы с их помощью можно было познакомиться с героями и эпитимистами, передать свой опыт другим.

Что ни снимок — то интересная история, яркий эпизод. И с удивлением их автора — Люова Ефимовича Барбуса — мы публикуем несколько фотографий, рассказывая о событиях, с ними связанных.

ПИОНЕРСКИЙ ГАУСТУК

Аом управления Ташкентской железной дороги загорелся днем. В толпе, собравшейся на улице, уверенно говорили: «Пожар!».

Шел 1922 год, и такие происшествия в Оренбурге не были редкостью.

Вдруг откуда-то сверху раздалась команда:

— Все на третий этаж спасать документы!

Невысокий юноша в пионерском галстуке быстро скрылся в пылающую

Теперь-полковник Е. Ф. Логинов сидит пионером в пионерском галстуке № 25 Тимирязевского района г. Москвы.

щем здании. За ним бросились остальные ребята. Когда прибыли пожарники, все здание уже лежало в безопасном месте. Но толпа беспокойно гудела: ребята еще раз пробежали в дом и давно уже не появлялись. Что с ними? Где они? А в это время на третьем этаже, отрезанном огнем, невесомый юноша с красным галстуком — начальник дружины юных коммунистов Илья Берлин — общался с друзьями, как выбрался наружу.

— Момент, промелькнул — неуверенно предвещает-то.

— Брсь! — возмущил рукой Илья Логинов, — не видишь, что делается? Давайте лучше спускаем вас из тех оконных веревку...

Все спустились благополучно. Наверку остались только Илья и Илья. С улицы раздался крик.

Они изглянули и обормали: веревка оборвалась, и конец ее свиротливо болтался на уровне второго этажа.

— Будем прыгать? — спросил Логинов.

— Конечно.

И еще через несколько минут оба стояли на земле.

— Илья давно стал Львовым Ефимовичем, Илья — Евгением Федоровичем. Но и теперь, встретившись, называли друг друга и его ближайший помощник любит использовать свое юное.

— Незабываемое было время; и Илья — тактиком, и дома — стрелком, и людям спасал, и время находил. Трудно и приодилось. А спросит: «Почтотите сначала?» — ответим, как бывало: «Всегда готов!».

И тогда на вечер в школе-интернате № 25 Тимирязевского района в Москве, где работал Берлин, выступал его старый друг Логинов — ныне генерал-полковник, начальник Главного воздушного флота — и закончил свое выступление такими словами:

— Среди вас находится мой первый востаный. Он научил меня и многих других ребят труду, привил нам любовь к спорту, воспитывал в нас смелость и доброту. И он сам был нам во всем примером. —23 сорки лет он ни разу не ка-

мента своей лобан и детям. Об этом рассказывают его друзья. Об этом свидетельствуют фотографии. Вот группа бойцовооных детей, которых Берлин в начале тридцатых годов безвозмездно являлся обучать и воспитывать в Центральной горнолыжной школе. Вот пионерартеоный в походе. Он работал в Артеке несомно лет, и его помнит там до сих пор. (Недавно пришло письмо оттуда: «Мы, пионеры четвертого отряда, хотим завестись с Вами хорошную дружбу».) Один из последних фотографий — президент Хо Ши Мин с вьетнамскими ребятами и их советскими преподавателями, которого он тепло благодарил за его заботу о юлашях.

А С. Макаренко в «Педагогической поэме» сделал точное наблюдение: най бы он был неприметным и незлаком человеком, какой бы ершншый характер он ни имел, но если он настоящий мастер своего дела, ребята признавали: ему обормели. Берлин — мастер на все руки. Он рисует, фотографирует, владеет многими ремеслами, умеет бесподобно зашивать котин и играть на рояле. И все у него всегда получается, и всево он может научить. Надо ли объяснять, почему ребята не хотят в него дружить. А главное — он очень добрый человек. Он думает о своих ребятах всегда — и в школе и дома.

Иногда к нему являлся почтальон. В сумке у него была фотография писем и бандеролей с иностранными марками. Берлин гоним:

рассовал, кому это. Узнал, что одному маотному филателисту. Написал ему с почтальоном записку — пригласил к себе в интернат. И сейчас по просьбе Люова Ефимовича этот коллекционер подбравает для ребят марку.

Илья Ефимович не без основания считает, что одна из форм воспитания — встреча ребят с интересными людьми. Он ходил со своими учениками и артистами театра Мейерколя, который шефствовал над Первым пионерооом Красной Пресии. Был с ними у Анри Барбуса, которому вместе с ребятами вручил диплом «почетного пионерар». Знакомил их с С. М. Буденным и А. С. Серафимовичем, Марией Щеткин и А. Б. Менделеевой...

Много из тех, кого он приглашал сейчас в интернат, — сами его бывшие ученики или товарищи по комсомольскому полку Александр Маров, писатель Виктор Телтугов, писанист Арнольд Калпан, которого — тогда еще пионер — он пригласил на встречу с А. Барбосом...

И. Е. Берлин скоро шестьдесят лет. Сорон он отдал детям. Был ли он в армии, работал ли во «взрослых» учреждениях — всегда вооруженный была дядей. Он воювал в туристские походы, мастерил с ними разные полевые жилища, рассказывал о перелетах пионерах... Он не поучает, не читает скучных нотаций. Но его воспитанники знают, какими должны быть человек, носящий ялкий пионерский галстук...

Этот снимок сделан тридцать лет назад в Артеке. Пионеры пригласили к себе в гости героя гражданской войны И. В. Толкина, ныне генерала армии.

Артек, 1928 г. За столом в центре З. П. Соловьев, зам. наркома здравоохранения, член КПСС с 1898 года, создатель Артека. Справа — Киара Цеткин.

Московские школьницы — гости В. Э. Мейерхольда и И. В. Ильинского

СЛУЧАЙ НА КАТКЕ

Утром в кабинете старшего методиста по лечебной физкультуре самантин «Гольдсон» зазвонил телефон: — Докладываю начальнику сада на Вас здесь Марсеев, Тебебук коньки, Говорит, вы разрешили Давать?

— Подождите...
— А вы умеете кататься?
— Сейчас приду сам!
Понач он бежал вниз, Алексей Петрович успевает сделать один шаг и собирается надеть вторую. Чуть смущенно улыбается, он начал угаривать прибывающего методиста:

— На лыжах вы с вами научились. В хоккей и настольный теннис играем. Почему же и на коньках не покатаетесь?

— Тот махнул рукой:
— Ладно. Только вместе со мной.

— И вот... рассказывает Берлин, — начал. Знаете, я такого способного ученика никогда не встречал. И такого дисциплинированного. Он очень быстро, первого же случая, он очень быстро освоил технику скольжения и поворотов. Вообще, спорт ему сильно помог. Да и мому он не поговаривает?

— Спорт... Это еще одна страсть Берлина. Он конькобежец, волейболист, пловец, велосипедист... Но для него спорт не только развлечение. Работая в военных санаториях, он поставил на ноги благодаря лечебной физкультуре и постепенному прибавлению рывков и больших и спорту сотни офицеров и генералов: героев боя у Хаджи-Гора и Карельского перешейка, участников Великой Отечественной войны.

Транды уходил от добровольно в армию — в 1920, 1927 и 1941 годах. Двадцать два года в общей сложности пробыл в ее рядах — был и кавалеристом и пехотинцем, готовил астрейтинские лыжные батальоны. Но больше всего занимался лечебной физкультурой и был спортиструктором. О капитале Берлина с благодарностью вспоминают те многие врачи, которые обзавелись своим здоровьем.

— И смена фотографий. Командиры — участники знаменитого в свое время экспедиции по горным дорогам Крыма, организованного им в 1935 году. Один из первых Героев Советского Союза Бамбура, раненный под Касаном, после курса лечения. Еще сином из «спортивной серии» — он садил в интернате. И ребята пришли гости, посланные конь-

Первые шаги Алексея Марсеева на лыжах...

кобецки: Иван Анников, Мария Исакова, Роберт Меркулов, Анников — тренер Исаковой. А его первый учитель скромно стоит слева. Это Яков Ефимович Берлин.

КЛЮЧИ К СЕРЦАМ

Случилась трагедия. Мальчишке отрезало палец руки и ногу. Страшно об этом писать, страшно представлять себе это. Мальчишке помогали учиться, освоить протезы. Но надо было сделать самое главное — заставить его поверить в себя, найти цель в жизни. И вот мы читаем его письмо: «Всем, что я сделал, чего достиг, всем этим я в большой степени обязан моему духовному отцу и руководителю, наставнику и строгому, принципиальному и требовательному. В минуты, когда мне было тяжело или радостно, я делился с ним, и он всегда помогал мне. Этот человек знает, где лежит ключик от сердца. Он перенастроил меня с завидной точностью — такими, как Алексей Петрович Марсеев... Многие школьники-сверстники из Москвы и других городов писали мне полные теплоты и сердечности письма, присылали послания с именами. Этот человек сделал все, о чем только мог и вентил. А мечта и вот именно о такой большой, огромной дружбе, о большой вере в себя и людей».

Человек этот — Я. Е. Берлин. А вот и фотографии: автор письма, молодой калининский художник Юрий Фокин. Сколько раз, забывая о собственном детстве, ставший друг влады в Калинин! То приходило вдруг откуда тревожное письмо, а тут и просто детское позва-

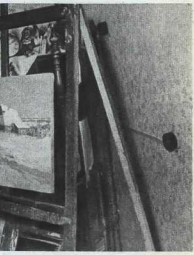
датель — поговорить, поспорить, побордить. Это было не служебное поручение, так доставало сердца.

Фокин не только способный художник, он хороший спортсмен: конькобежец, лыжник, футболист. Истата, по просьбе Берлина с Юрием переписывались известные мастера футбола — Всеволод Бобров, Анатолий Бышарин и их товарищи по команде.

Но одному Фокину — многим людям, ползавшим в ту пору, иногда измывавшимся безжалостным помещением, помог и помогать Берлин — дружным советом, хлопотами, отеческим внушением. Мы рассматриваем их фотографии, читаем их письма.

Выростает подросток лет двенадцати — Алеша Лукин. Он живет в Чите, и с ним тоже, как и с Юрием, произошло несчастное: мальчик лишился обеих рук. Его письмо передали Берлину. Он связал Алешу с Юрием, посылает в Читу дружеские письма, а в последние времена, узнав, что Алеша улегся собирать этнографические материалы, ищет для него новинки в Москве.

Помощь приходит из Одессы и Дуаугалиса, Запорожья и Проты. От друзей, воспитанников, совсем незнакомых людей. Со стороны благодарности, с просьбами о совете, с приглашениями приехать в гости. И не одному Берлину, но и

Художник Юрий Фокин.

той, которая во всем рядом с ним, — сам же лично Васильевым.

бается, рассказывая обо всем этом. Ведь ничего необычного не происходит. Человек живет для людей.

Детей было много. Они приехали в маршбросов село Паратыла с запада. Там осталось все, что имели они до войны,— дом, семья, спокойная, мирная жизнь. Вечером собрались у репродукторов и слушали, слушали — все одно и то же... Только менялись названия оставленных нами городов. Время от времени в детдом приходил почтальон, приносил

проптемпелеванные трезульчики. А много ли принесил ничего — ни письма, ни похоронок... Заведующий детским домом Михаил Васильевич, лохмотый и добрый человек, часто ездил в город и всякий раз привозил оттуда ко валенки, но учебники, то новые персонные письма, а то и ципки сухих галет.

Уже весной, кажется, на

Первое мая, в детский дом пришел высокий человек в остром, вылизанном плаще. Никто не знал сначала, что это секретарь райкома партии. Но по тому, как широко и свободно ходил он по комнатам, взглядында в чулак, который почему-то называл нахотеркой, и на кулики, и в сушилки, ребята решили начинать.

Потом всех собрали во дворе, и человек в плаще

передал им красное знамя с желтой бахроной.

— Вот вам, ребята, знамя. С таким же сражаются на фронте солдаты. Берегите его и помните: Родина вас окриичет.

Оченье сорок четвертого года детский дом перевели в подмосковный город Воскресенск. С барабанным боем и развернутым знаменем пришли ребята по улицам города и поросшему зе-

ленью берегу Москвы-реки. И адрес всталки в немом указателке перед представляющей газетой красной.

Невысокая, густо ангушткая кустарником арка из белого камня открывала вход в старинный парк. По Линовой аллее, что шла прямо к красивой усадьбе, ветер перекатывал мягиче охапки листьев. За домом с круглого борота широкая деревянная лестница спускалась к Москве-рече.

Чуть не каждую неделю в Воскресенск привозили новых воспитанников. Откуда-то из Чувашии приехали три брата Пащенко-вы—все одинаковые, кореннастые, плотные, точно жульки. Старший, Иван, крепко держал за руку четвертую Пащенкоку, четырехлетнюю Валу, тоненькую, бледную, совсем не похожую на братьев. Потом в детском доме появился рыжий Генка Юхтин. Худой, длинноногий, он оказался отличным «центром» и уже через неделю гонял мяч за первую команду.

Обычно прибывших встречал горбоносый Вовка Петров. Он подлетал к новенькому и тащил его к крыльцу, по дороге выпрашивая, кто он и откуда. И жила ли у него семья, и нет ли пороха для самострела. Через пять минут новенький уже знал, что Вовка здесь очень давно, что «ав» на дних «прополоскал» его за то, что вместо школы «давил морковку с бабы».

Узнавал новенький, что ребята, неизвестно почему, зовут его, Вовку, Зайцем.

Инженерами, врачами, геологами, офицерами, квалифицированными рабочими, летчиками стали эти бывшие воспитанники детдома... В центре снимка — Геннадий Юхтин. (Фотография сделана в феврале 1959 года.)

ИХ ВОСПИТАЛА РОДИНА

Андрей АЛДАН-СЕМЕНОВ

Лев КУКЛИН

ВСТРЕЧА НА КАМЕ С «КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ»

Она дышала сталью и пластмассой И крыльями под узкими бортами. Она была реальностью и сказкой, и врезывалась в память. «Ракета» пронеслась над камнями, Блестящая ракета шла по Каме. И вдруг за поворотом старый, низкий, с палубой новеежей, По-старчески ошупывая стрелены, Устало подло товаро-пассажирский. С «гакета» усмекаются юнцы, И чай-то влодох, и чай-то голос едикей: «М-да, примитивно жили наши предки, Не ввели экспрессы отды...»

Снимите шляпы, сдерните береты, Почтительно склонитесь перед ним, Ветрами Революции раздетым, В приказе Революции воспетым, Перед ве бессмертным рядовым. Он шел на Колчак агитпоходом В железном восемнадцатом году, Недаром флаг над этим пародом Развертывает Красную звезду. Его любило ленинское сердце, Келинину тубионно он был, Страды молодые красногвардейцев На нем из русской создавались, гольть-бы, Товаро-пассажирский знал рассветы, В которых гибли деды и отцы. Не будь его — не двигаться ракетам И вам не улыбаься бы, юнцы!

НА КРАЮ КОНТИНЕНТА

Кто за Полярным кругом не был, Тот не узнает никогда, Как в центре ледяного неба Звенит зеленая звезда... И от нее идет кругами Такая музыка в тиши, Что голову сожми руками, И стой, и слушай, не дыши... Когда же voluto галабул Берет стремительный разбег,—

Встает, спокойно улыбаясь, Большой и светлый человек. Он не страшится одиночества В морской заполярной мгле, Не признает никаких пророчества. Он знает все. Он на земле. А там, за краем континента, Моржей неулонимый рева, И море Рокула Кента, И звездный свет, и грань миров...

А еще у него есть братья, которого зовут Кроликом. Но это потому, что тот разводит кроликов и никого из них не подпускает. «А когда прайдики были, он сам и принес их на кухню. Неест, а сам плачет. Смеется!»

Однажды, собрались в библиотеку, ребята слушали вечернюю сводку Совинформбюро. Это были уже совсем другие сводки. «Самое интересное...» — голос Левитана звонко выговаривал новые, нерушимые названия мест, куда привели наших солдат несомнящиеся дороги войны. И вступил...

— Подождите советский партизантер капитан Остапович! Окруженные в Вуданто невые фашисты страдали по божьему флагу...

В углу библиотеки плакала навзрыд семнадцатилетняя Валя Остапович. Придет час, и ее героико-отцу водвинут памятник на древней мадырской земле. И там же цветы будут вечной благодарностью погибшему солдату мира. Быть может, об этом и говорили ребята, утешая маленькую деточку с косичками.

К концу войны в детский дом прибыли «служивые люди» — Миша и Зоякина Волга, Вячеслав Тимофеев да Ленка Гусаренко. «Демобилизовавшихся» в свои 12—14 лет, они вразвалку прохаживались меж стеллажами и, налетая, даже на ночь не снимали военных медалей...

Детский дом получил огромную территорию — большие гектары земли вдоль левобережья Москвы-реки. Здесь были и парк и лес, а дальше — большое поле, и уже совсем далеко — выгон для скота, который все звали просто Луга.

Но главной гордостью ребят были четыре грузовика и старый дизельный трактор. В каменном гараже хозяйничал кумир мальчишек механик Горлов. Он копаясь в детали, и только Виктор Худяков да просто имел право входить в это святящие и помогать Горлову.

Кто-то новый директор Георгий Васильевич Гаслов уехал на несколько дней из Воскресенска. Вернулся он не один. Вместе за ним из машины вылез молодой, прямой старик с длинными руками и крупной, без единого волоса головой.

— Людмир Антонович Петкович, — представил директор приехавшего. — Он будет учить вас музыку, ребята.

Это-то из мальчишек точно светилась, что-то уж мысленно. «Он будет учить нас музыку, ребята» — настоятельно повторил Генка Ярхо и, склонив через зубы, пошел в дом.

Оттуда было внять ребята, что много из их гаммы «статого Людмира» привезут впоследствии в музыкальные школы и

училища, помогут найти признание? Откуда было знать такому Генке Помидаеву, что впервые услышав от этого старика название нот, он через десять лет будет исполнять по радио песни собственного сочинения?

Шли годы. Спрятан в чюдными аттестата зрелости, первые воскресенья уезжали в свое завтра.

Ребята росли, писали друг другу, еще реже виделись. И тем радостней была общая встреча через добрый дождик лет.

— Здравствуй, Воскресенск! — Из Саратова и Новосибирска, из Тулы и Иргизи съезжались сюда бывшие детдомовцы.

На дверях библиотеки надписи: «Регистрация бывших воспитанников». Школьная тетрадка размечена на графы. Обычные вопросы: год рождения, время пребывания в детдоме, специальность и место работы, партийность, адрес.

Эта тетрадь рассказывает о том, как в самые трудные годы собралась Родина своих детей, как выучила их, вывела в люди. Она рассказывает, что стал журналистом Володя Роштен, техником — Геня Ярхо, офицером — Вале Тимофеев, шофером — Воля Пашенков. А средний его брат, Виктор, — аспирант горного института. Самый же старший, Иван, — специалист по физическим приборам.

Давно снимается в кино Геня Юхтин. Это его мы видели в «Бесе на Заречной улице» и «Мальве», в картине о спасении Древоденской галереи, в «Валладе о солдате».

Вчерашние детдомовцы стали врачами и машинистами, строителями и педагогами, стали коммунистами.

Из Свердловска на встречу приехали Володя Петров. Его малы и деловито до тех пор, пока из степенности и серьезного человека, каким целую минуту он старался держаться, не появились знакомый прерывистый Завыл.

С фотоаппаратами и записными книжками в руках разбрелись воспринимать по дорожкам старого парка, а жосткой бахроме на распушенишках взрослых десятилетия мальчишки, нынешние воспитанники детского дома.

А потом они собрались, как прежде, в зала. На сцене встали пятиклассники. В его руках было красное платье, а жосткой бахроме на распушенишках взрослых десятилетия мальчишки, нынешние воспитанники детского дома.

Это будет, непременно будет! Потому что Родина охраняет его.

Борис БОВСКИЙ

Георгий МАРТЫНОВ

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ВЕКА

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО и Г. НОВОСИЛОВА.

Продолжение. Начало см. №№ 17—24, 1961 год, и 4—5, 1962 год.

Это произошло почти случайно. Она ошиблась дверью и вошла в домашнюю лабораторию Люция. В глубокой задумчивости он сидел в кресле перед рабочим столом. При звуке ее шагов Люций вздрогнул и поднял голову.

— Извините, пожалуйста, — сказала Ксения, делая шаг назад. — Нет, войдите, — сказала Люций. — Мне такело одному. Побудьте со мной. Никого нет на Земле: ни Эри, ни Мари. Ксения поразил его голос, выражение лица, какая-то детская беспомощность...

Сильный человек, с негнбимой волей, был раздален свалившимся на него горем.

Она подогрела, села рядом и взяла его руку в свою.

— Вот, Ксения, — сказал Люций. — Нет больше нашего Дмитрия! За чем я не слушаю совета моего отца? Зачем позволил себе воскресить его?

— Так было нужно. И Дмитрий гордился тем, что послужил науке.

— Он прожил так мало. А мог бы жить долго, очень долго.

И вот тогда-то Ксения и сказала Люцию роковые слова:

— Трудно сказать, что лучше для Дмитрия. Я слышала его разговор с Игорем Вторым. Он мучился сознанием своей неполноценности в вашем мире, боялся, что не сумеет понять и освоить современную науку. Он говорил, что лучше смерть, чем жизнь вне общего труда. Люций пристально посмотрел на нее.

— Да, — сказал он, — это знаю. Спасибо, Ксения! Вы напомнили мне о том, о чем я не должен был забывать. Я не только ученый, я его отец.

Он опустил голову на руки и долго сидел, не шевелясь.

Она сказала это, чтобы облегчить ему горе. Если бы она знала...

Потом Люций подвинул голову и прошептал:

— Да, так будет лучше.

И вот теперь Ксения поняла, какое решение принял тогда Люций. Человек восторжествовал над ученым.

Долгое молчание нарушил Ио.

— Если мы вас правильно поняли, Люций, — сказал он, — не следует делить попытки спасти Волгина!

— Если он умер. Но если он жив, мы обязаны сделать все, чтобы сохранить ему жизнь. Подчеркиваю: сохранить. Продолженный вами способ к Дмитрию неприемлем.

— Пусть будет, как вы хотите.

Один из ученых говорил с кем-то по карманному телефону. Потом он повернулся к экрану.

Зероли синих и фиолетовых марсианских деревьев окружали обширную поляну, где должны были опуститься корабль эскадрильи. Судя по Фэтонграду.

Кто-то подошел к аппарату, установленному на поляне. Голову человека закрывал герметический шлем, на спине виднелись резервуары, наполненные воздухом. Он встал вплотную к экрану и, казалось, смотрел прямо на собравшихся в зале.

Один из ученых обратился к нему:

— Юлий Рассекайте, что сделано для быстрой реализации нашего плана. Какие меры вы приняли? Вас слушают тридцать членов Верховного совета науки. Сообщая вам наше решение: Дмитрий Волгина не замораживать ни в каком состоянии.

Ксения позла последние слова и невольно оглянулась на Люция. Он сидел в той же позе.

Итак, конечно! Если Дмитрий мертво, его не будут пытаться спасти, как другие. Решение принято.

Они увидели, как из палатки Люция показались и упала слеза. Медленно текла вверх, нужное для того, чтобы вопрос с Земли дошел до Марса и получить ответ.

Но вот губы Юлия зашевелились, раздался его голос:

— Решено начать «И-76» герметическим футляром; как только он опустится. Сделать это здесь, на месте. На случай, если экипаж жив, приготовлен арлет, который окажется под тем же футляром.

Замораживание будет произведено как в случае смерти, так и при явной опасности скорого ее наступления. Исключается ситуация Волгина. Ваваше разрешено уйти со своим экипажем, если одобрит совет.

С вами говорит Ио, академик медицины, член Верховного совета. Подтверждено: Дмитрий Волгина не замораживать ни в каком случае.

Разговор кончился.

— Подумать хорошо! — вырвалось у Котовы. — Еще не поздно. Длинно но пошевелился остальные промолчали. Несколько взглядов было брошено на Люция. Этим людям было яено не по себе, но никто не пытался отговорить Люция. Кто же решат эту тяжелый вопрос, если не ему?

Вару Люций резко стянул руку. Его лицо было бледно мела.

— Если Дмитрий воскресит вторично, — сказал он хрипло, — то он проживет не более трех лет. Для него это не имеет смысла. А мы... Люция взгляд вылезал смотрящих на него ученых, многие из которых помогали ему в работе над Волгиным, — если мы допустим его гибель... Он человек, а не подопытное животное.

— Решено, Люций, — мягко сказал Ио. — Вы правы.

— Будем надеяться, — начал Котов, но ему не дал договорить возглас одного из ученых:

Эскадрильи!

В небе Марса показались рабочие корабли. Они летели тесным строем. Было видно, что четыре корабля несли пятый.

— Они восполняются магниты, — сказал кто-то.

Потом, медленно и осторожно, четыре корабля поставили «И-76» в центре красного круга, выключили магниты и снова поднялись.

Подошли четыре машины. С неспешностью быстрой над кораблем, арлетом и людьми вырос прозрачный купол.

По тому, как люди, оставшиеся внутри купола, сразу сняли с себя шлемы и подошли к лицу корабля, можно было догадаться, что уже создано нормальное давление воздуха.

Потекли минуты томительного ожидания.

— А ведь на Марсе все уже известно, — сказал кто-то.

Передача происходила не мгновенно. Зрители на Земле видели события с опозданием на четверть часа, пятнадцать минут.

И вот они увидели, как из корабля один за другим вынесли три продовольственных предмета. Это были капсулы для замораживания.

В них находились три теперь уже несомненно мертвых тела.

Чьи? Конечно, Керри, Владимира и Чарли. Ведь Волгина и не должны были подвергаться замораживанию.

Потом показались носилки. Неподвижное тело на них было закрыто покрывалом. Носилки тоже поставили в арлет.

Дмитрий Волгин!

— Конечно! — сказал Ио.

Купол слял. Арлет вымыл вверх и скрылся в направлении к Фэтонграду.

Люций всем телом наклонился вперед.

— Почему они так горятся! — с дрожью в голосе сказал он.

И вдруг раздался голос:

— Друзья! — сказал он. — На мою долю выпало сообщить вам печальную весть. Вы уже знаете, при каких обстоятельствах экипаж рабочего корабля «И-76» встретился с фэтонским известием, называемым «Черным блеском». Девятьдесят лет тому назад подобная встреча привела к ирребельно цели, к катастрофе, к гибели тридцати шести человек. То, что вторая встреча окончилась не столь грандиозной катастрофой, объясняется тем, что истребительными отрядами известно о подстерегающей их опасности.

Как ясно теперь, астроном «0-277» является, по-видимому, частью наружного слоя погибшего Фэтона, и на нем находится один из круп-

ных складов «Черного блеска». Большая ста тысяч лет промывало это опасное вещество на малой планете, пока его не потравившим излучение «И-76». По несчастной случайности этого рабочего корабля оказался как раз против подземного склада. Командир корабля Керри, увидев начало ядерной реакции, пытался уйти в сторону, но, хотя его решение было вполне оправдано, было бы лучше сразу отлететь назад. Потому что — Друзья Волгина. Но сейчас он еще находится в бессознательном состоянии. Керри, Владимир и Чарли сделали все, что могли, для спасения своего пассажира, своего гостя — Дмитрия. Мотивы их геройского поступка ясны, они знали, что представляет собой Дмитрий Волгин. Мы упрямды следовательно, на полу, возле пупка лежал Волгин, завернутый в противолоуковую ткань, конец которой был зажат в руке мертвого Чарли. Голова Дмитрия была закрыта шлемом, от которого шел шланг к кислородному аппарату. Край, очевидно, был открыт Владимиром. Совершенно находился Керри и смеялся в руках три куски противолоуковой ткани, для себя и своих товарищей. Три шлема лежали тут же. Неповерно очевидно, что Дмитрий, будучи физически более слабым, первым потерял сознание и не мог уже сам защититься себя. Это сделали его спутники, жертвуя собой, так как заворачивать в ткань и надевать шлемы они уже не успели.

Мы теперь не знаем, но опаснее, видимо, была ясна трем погибшим. Мне очень тяжело говорить, но вы должны знать все. Рождениями погибших уже знают. Полость рта, горло, легкого у всех троих оказались совершенно сожжеными. Последняя минута в жизни три куски в быстрой мысли слова огнем. У Волгина, насколько можно судить по приборам, внутренние ожоги незначительны. Но он полностью парализован. Чем кончится этот паралич, причин которого мы не знаем, трудно сказать.

Личный состав истребительных отрядов поручил мне внести на всемирный опрос предложение — увековечить имена трех членов экипажа «И-76». Сообщайте ваше мнение установленным порядком.

Сообщения о здоровье Дмитрия Волгина будут передаваться ежедневно.

Павильон острова Кипр снова принял под свой купол Дмитрия Волгина, как и несколько лет назад.

Но теперь он был жив.

Причина глубокого паралича все еще оставалась неясной. Сердце билось медленно, но регулярно и четко, дыхание было поверхностным, но ровным; не оставалось сомнений, что парализованная система Препараты указывали, что в мозгу не возникает даже проблеска мысли.

Ио и Люций снова поселились на Кипре. Сюда же приехали все друзья Волгина: Владимир, Мэри, Муници, космонавты с «Ливанис» Сергей, Иосиф, даже Эрик, покинувший на время свой рабочий корабль.

Снова вся Земля вовлекалась за его жизнь, снова человечество с нетерпением ожидало сообщений с Кипра.

Фэтонцы, которые были, в сущности, единственными виновниками катастрофы, предложили вывезти со своей планеты крупнейшие специалисты по лучевому болезням, и их предложение было с благодарностью принято. Но фэтонские ученые могли прибыть на Землю не раньше чем через несколько месяцев.

Люций и Ио продолжали все известные им средства — загадочная болезнь не поддавалась.

Спустя месяц с Марса прилетел Эфа. С его стороны это было самое обстоятельное послужило, так как климат острова Кипр очень тяжел для фэтонцев. С ним прилетел инженер Лосе, единственный человек на Земле, который кое-как мог говорить на фэтонском языке.

— Мы получили радиogramму с Фэтона, — сказал Эфа, — в которой даны указания для осмотра больного. Разрешите мне обследовать его.

Эфа привез с собой несколько аппаратов, устройства которых еще не знали ни Люций, ни Волгин.

— На Фэтоне, — сказал Эфа после осмотра, — правильно поняли, что случилось. Это состояние — следствие воздействия лучей (он произнес несколько протажных гласных). Очевидно, пострадавший подвергся из космического источника короткого времени. Это его спасло. — Что надо делать? — спросил Люций.

— Наши ученые советуют ничего не делать до их прилета. Кормите больного как можно реже и как можно более легкой пищей. Повысьте содержание кислорода в воздухе, которым он дышит, на десять — пятнадцать процентов выше нормального.

— Сколько времени это может продлиться? — Думая, что год или полтора, по вашему счету лет. Но возможно, что и больше. Я ведь биолог, а не медик.

— Угрозит ли больному короткость курса? — Эфа ответил, выходя из кабинета (у фэтонцев не было локтевого сустава).

— На это мне ничего ответить. Подождите прилета медиков с Фэтона.

Эфа летел обратно на Марс. За один день пребывания на Земле он почувствовал себя плохо. Да и не было никакой необходимости в его присутствии.

Время потонуло еще томительнее. У постели Волгина валось круп-

лосточное дежуство. Внимательные, любящие глаза непрерывно следили за показаниями приборов, готовых зарегистрировать малейшие изменения. Но недели шли, а никаких изменений не происходило. Волгин продолжал оставаться живым и здоровым.

Экипаж «И-76» был торжественно похоронен по обычаям эпохи. Предложения, выдвинутое работниками истребительных отрядов, все человечество Земли приняло единогласно. На знойной доске, у Пантеона величавых людей, где в центре здания лежало тело Владимира Ильича Ленина, появились три новые строки:

«Керри — командир рабочего корабля «И-76» истребительного отряда».

«Чарли — штурман рабочего корабля...»

«Владимир — бортовой инженер...»

Это было Берсергматом.

Настал наконец день, когда космический корабль фатонцев опустился на космодроме Цереры. Там уже больше двух недель ожидал специально оборудованный ракетолетан, на котором, были созданы специальные для фатонцев климатические условия. Четыре фатонца прилетели на нем прямо на остров Кипр.

Их поселили в доме, оборудованном мощными охладителями воздуха, фатонской мебелью, кузницей, где готовились фатонские инструменты. Им были предоставлены основные костюмы и головные уборы, охлаждающие тело. Даже участок сада, примыкающий к дому, закрыли невидимым куполом, ослабляющим лучи Солнца. Только в самом левом павильоне, у постели Волгина, фатонским ученым предстояло находиться в непривычных для них температурных условиях.

Люди Земли сделали жалобные фатонцы чувствовали себя как можно лучше на чужой планете.

Ученые рассказали, что население Нового Фатона принимает живейшее участие в судьбе необычного человека на Земле, что перед отлетами они получили пожелания успеха бывающего от всех слоев населения.

Исследование производилось долго и тщательно. Двадцать дней фатонские ученые отказывались что-либо сказать непереведенно живущим людям. Они делали все дело молча и не торопись. Медлительность, не давшая, бесконечно долгих разговоров друг с другом неказанно раздражали всех друзей Волгина. В сравнении с этими четырьмя людьми Ая и Эйя казались подвижными, как ртуть.

Внутреннее устройство тела человека Земли было давно и хорошо известно фатонцам; они не просили никакой консультации, никого и о чем не спрашивали. По их указаниям изготовили целый ряд не известных на Земле приборов и аппаратов, кроме тех, которые они привезли с собой. Излучающие машины, которыми пользовались при первом ожигании Волгина, были упрены, введя их установив другим. Распорядки фатонцев, равнозначные и тоньше, переводил на земной язык инженер Хосе. Особенно сообщали чертежи и схемы.

Но как ни медленно работали фатонцы, и их работе наступил конец. На тринадцатый день Ия и Люций были приглашены к ним, чтобы высказать заключения фатонского консилиума.

Невыносимо медленный разговор продолжался четыре часа.

Выводы ученых оказались предельно тонкими.

— Пострадавший от лучей «Черного блеска» человек не парализован. Это лучевая болезнь, которую на Фатоне называют... Последовало непонятное слово... Отнеси для жизни нет. Но он будет находиться в неподвижном состоянии четыре ваших года. Никакого лечения не требуется. Надо только поддерживать силы организма.

— Будет ли он совершенно здоров, когда очнется?

— Да, будет совершенно здоров. Болезнь не оставит никаких следов. При условии точного выполнения предписанного нами режима.

— Требуется ли ваше присутствие?

— Один из нас останется на Земле.

— Ясно ли вам теперь действие лучей «Черного блеска»? — спросил фатонцев Хосе.

— Да, мы знаем теперь, что такое это загадочный «Черный блеск». Если это вещество осталось еще где-нибудь, ваши люди могут его опасаться. На Марсе с помощью лингвистической Ия мы подробно ознакомили вас с атомарным и молекулярным строением «Черного блеска». Вы легко сконструировали прибор для его обнаруживания на расстоянии.

— Чудесно! — воскликнул Хосе.

Для него, работника истребительных отрядов, это было самым важным из всего, что сказали фатонцы. Устранялась главная и единственная опасность в работе.

Трое фатонцев улетели обратно на родину, один, по имени Изия, остался на острове. В срочном порядке изготовлялись лингвистические фатонцы мог говорить с людьми. Изучить земной язык он не мог: голосовые связки фатонцев были не способны произнести более полновысказанных звуков.

Мэри решила во что бы то ни стало научиться говорить по-фатонски. Она осталась с отцом.

Всеобщее волнение улеглось. Слова фатонцев ни в ком не вызвали сомнений — все окончилось благополучно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

От четырехлетней летаргии Волгин очнулся сразу. Но было опускательное состояние, туман в мыслях, пробовал в памяти. Он просто проснулся, как привик просыпаться всегда.

И сразу вспомнил все, что видел и испытал до момента потери сознания.

Было темно. Он лежал в мягкой и удобной постели. Смутно проступали очертания предметов: ночного столика, нескольких кресел, стола. Очевидно, была ночь.

— Подойди Волгин! — Я на Марсе. Эскандри! вернулись туда после этой странной истории с «С-277». Но ведь я-то потерял сознание, почему же меня не положили в больницю? Да, у них нет больницы.

Но почему тогда я один? Нет даже сиделки. Странно.

Почувствуя мысленным приказом он потренировал, чтобы открылись окны, если они есть в комнате.

«Окно» открылось. Темная завеса раздвинулась, и неожиданно на постель Волгина лег луч лунного света.

«Вот как! Я на Земле. Еще более странно. Неужели я мог так долго спать?»

Он чувствовал себя настолько общично, что ему и в голову не приходило, что он мог быть столь длительное время в бессознательном состоянии. Вероятно, его просто усыпили.

Но болел он или здоров?

Спать ему совершенно не хотелось, но встать с постели он не решался. А вдруг он все-таки болен и ему нельзя вставать?

«Если бы это было так, — решил он наконец, — волею меня кто-нибудь бы отпустил».

Случилось обстоятельство верхней одежды. Ее нигде не было видно. Волгин все же встал.

Он не ощутил при этом никакой слабости. Нет, совершенно ясно: он вполне здоров!

Он подошел к окну. И тут только заметил, что это было действительно окно, сквозное отверстие в стене, а не прозрачная стена, как в других домах.

Он сел на подоконник.

Было приятно смотреть на Луну, на звездное небо, такое привычное, родное...

«С-277» — голубой клубящийся шар... зеленые огоньки в воздухе корабля, обжигающим, как пламя... лица Керри и Чарли, наперяженные, с широко открытыми глазами, полными ужаса. Хорошо, что все это кончилось, прошло, кануло в прошлое!

Жаль все же, что он не видел, что было дальше. Но, видимо, ничего страшного не произошло, иначе он не был бы здесь, на Земле. Катастрофа удалось избежать.

Но с ним все же что-то случилось. Почему-то пришлось уснуть его и отправить на Землю, на остров Кипр...

Волгин внезапно сообразил, что мысленно назвал место, где находится. Конечно, это был сад, который он видел тогда, после выхода из лечебного павильона. Он узнал его. Тренические растения, узкие пасынки, высокие и на полметра Земле! Хватит космических впечатлений! Жаль все же, что он не видел, что было дальше. Но, видимо, ничего страшного не произошло, иначе он не был бы здесь, на Земле. Катастрофа удалось избежать.

Волгин сдвинул брови и задумался.

Но что же привели сюда, значит, с ним было что-то серьезное. Не просто сон после операции. Но что же произошло! И сколько времени он здесь находится?

Его путало, сбивало с толку то обстоятельство, что он один, что волею него никого нет.

Но кто же кто-нибудь придет навстречу, и тогда он все узнает.

Он притворился терпеливо ждать утра.

Знакомый, едва слышимый звук долетел до ушей Волгина. Это отворилась дверь. Он быстро лег. В комнату кто-то вошел.

Завеса окна чуть-чуть раздвинулась. Волгин увидел, что вошла женщина. Когда она приблизилась, он узнал в ней Мельникову.

Он поспешил закрыть глаза. Его считают больным — это ясно. Иначе необычайно во появление глухой ночью. А раз так, ее может возопловет неожиданное пробуждение Волгина.

Мария Александровна подошла к постели и наклонилась над нею. Видно, ее успокоило ровное дыхание Волгина, она повернулась, чтобы уйти. Он понял, что она дежурная и находилась в соседней комнате. Может быть, ее привели сюда звуки его шагов, а теперь она уверена, что ошиблась.

Вспомнил, что она уйдет и он останется снова один, испугала Волгина.

Он тихо позвал:

— Мария.

Она резко обернулась. Окно еще оставалось притворенным, и на ее лице отрадал лунный свет. Волгин видел, что Мельникова не поверила своему слуху, она напряженно всматривалась в полумрак комнаты, стараясь рассмотреть лицо Волгина. Он повторил:

— Мария!

С радостным возгласом она бросилась к нему.

— Ты проснулся! Дмитрий! Дина!

Так называла его когда-то Ирина!

— Надо сообщить всем!

— Постой! — сказал Волгин. — Не надо никого будить. Скоро утро.

Мария, вернулась.

— Но я долена...

— Ничего ты не должна. Я еще сплю.

Она вернулась.

— Все ждал, когда ты проснешься.

— Подождут еще немного. Сад! Расскажи мне, что случилось.

Я хочу услышать все от тебя.

Мельникова присела на край постели.

— Не знаю, право, — сказала она, — Люций приказал категорически...

— Я еще не проснулся, — улыбался, повторил Волгин. — Когда проснусь, ты позовешь Люция.

Раньше он говорил ей «вы». Но ведь она сама, первая, перешла на дружеское «ты». Волгин обрадовался этому. Она всегда относилась к нему сдержанно из-за своего злостного сродства с Ириной. Большие планы, планы, планы! — так растает — чудесно!

— Рассказывай! — сказал он.

Он приказал окну открыться. Лунный свет осветил завали комнату. Волгин вынул из кармана Мельникова и вздрыгнул. Она выглядела гораздо старше. Это не было обменом ослепления: она действительно постарела на несколько лет. Как это могло случиться за пару недель? В чем дело?

— Говори же! — умоляюще сказал он, видя, что она колеблется. Мельникова действительно колебалась. Ей было страшно: предписано в случае пробуждения Волгина немедленно позвать Дюкю, Ио и фазтонского врача. Может быть, Волгину необходимо дать какие-нибудь лекарства, может быть, задержка причинит ему вред? Но она помнила, как Изаэ всего несколько часов назад сказал (Мэри перекала его слова), что Волгин должен проснуться так, как проснулся всегда, когда он был совершенно здоров. И выглядит он прекрасно.

Она не могла противиться умоляющему выражению лица Волгина. Он хочет услышать от нее. Пусть так и будет!

Она не могла уйти. Ей было приятно находиться с ним неадекватно, в комнате, освещенной Лунной, старой Лунной, такой же, как в бывшем доме, быть с человеком, близким ей больше, чем все остальные люди на Земле, со своим современником.

«Милый Дима», — думала она, — ты еще не знаешь, что мы одни остались на Земле. Совсем одни!»

Говорить ему об этом Лунной запретил.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Прекрасно. Не бойся ничего, Рассказавшая!

Она рассказала обо всем. Как был доставлен на Марс «И-76», как были найдены в нем бесчувственные тела трех ученых экипажа и самого Волгина. (О том, что он один остался жив, было решено не рассказывать, пока Волгин окончательно не оправится.) Она рассказала, как его привезли на Кипр, положили в павильон, как мучились все неизвестностью, о прилете фазтонских ученых.

— Все случилось так, как они сказали. Месяц назад ты очнулся от летаргии, и тебя перенесли из павильона сюда. Со дня на день ожидали окончательного пробуждения. Я очень рада, что это произошло в мое дежурство.

— Наверное, дежурят и Мэри и Ксения, — сказал Волгин.

— Мэри — да, а Ксения здесь нет. Она... в Ленинграде. Не знаю, что побудило меня войти к тебе в неурочный час. Но мне послышалось...

— Я вставал и подходил к окну, — сказал Волгин. — Но, Мария, постой. Ты сказала: четыре года. Ты уверена?

— Как же я могу быть не уверенной в этом! Мы все считали дни.

— Какой час?

— Окно открыто. Скоро взойдет солнце.

— Тогда я уже проснулся, — засмеялся Волгин. — Ты только что узнала об этом. Поздоровайся со мной и иди спать Лунная.

Через несколько минут комната наполнилась людьми. Прибежали Лунная, Ио, Владимир, Мэри и многие другие, которых Волгин не знал. Пришел Изаэ, маленький, дружок, с моющим лбом над громадными глазами, очень пожилой. Никого из космонавтов с «Линнана» не было. Это увидели Волгина.

Пока Ио и фазтонцы осматривали его, Волгин не спускал глаз с Ксения, которая звено командира, но несколько не постарела, как Мельникова. Четыре года не повлияли на свежесть ее лица.

«Конечно, она моложе Марии, но не надо забывать, что современные люди выглядят совсем молодыми в пятнадцать лет. Что для них кажутся четыре года! То же, что были для нас несколько месяцев».

Волгин почувствовал горечь от этой мысли. Он и Мария состарятся, одряхлеют, а вот она, Мэри, будет все такой же — молодой и здоровой. И остальные будут такими же.

Мельникова показалась ему еще ближе, еще дороже. Она не покинула его...

Владимир заметил пристальный взгляд Волгина, устремленный на Мэри. С пронзительностью людей этой эпохи он понял мысли своего друга.

— Ты удивлен переменой в Мэри, — сказал он. — Она объясняется просто. Мэри — мать. У нее родился сын. Он назван в твою честь Дмитрием.

Спрашивать, кто отец ребенка, было назначено. Волгин протянул руку Владимиру.

— Поздравляю вас обоих. А где он, мой тезка?

— В доме Мунция, с Эрой. Она закончила свою работу в исследовательском отряде и вернулась на Землю. Правда, на время. И пожелала поговорить с звуком.

— Не буду спрашивать, — сказала Волгин, — здоров ли маленький Дмитрий. С ним, конечно, все в порядке?

— Я видела его вчера днем, — сказала Мэри. — И первое, что он спросил у меня, — это о тебе.

Почему-то ее слова удивили Волгина: ему представлялось, что сын Мэри еще грудной ребенок.

— Сколько ему?

— Скоро будет два года.

И внезапно чувство безмысленной тоски охватило Волгина. Зачем, его спасли, снова заставили жить, зачем не дали ему умереть? Люди умирают каждую минуту, все им доступно, все к их услугам, все радости жизни, они счастливы... А они! Если Мария даже согласится быть его женой, у них никогда не будет детей. Нельзя обречь еще одно существо на жизнь неполноценного человека, нельзя, невозможной! Это было бы чудовищной жестокостью.

— Ты совершенно здоров, Дмитрий, — сказал Ио. — Поздравляю тебя.

— Не с чем, — суто ответил Волгин.

Лунная, говорившая с кем-то в глубине комнаты, повернула голову, посмотрела на Волгина и победоносно.

но очень хочется понять, что такое март.

У месяцев свои названия — поговорки: май смеит, в апреле земля прет, а на март и присидан хороший нет, кроме той, что курочка на лунице напелась. Но ни курочка, ни луница не объяснят нам, что такое март. Как в любом месяце, есть в нем свои чувства и свои переживания. Он удивителен в своих контрастах, в соединении зимы с весной, снега с вешним воздухом.

В городе тает, сирю, напел, пуж, брызги из-под колес. За городом — синие зимы, чисто, бело, сверкает плотный, слезливый снег, а солнца там много, что оно заставляло шуршеть, и оно уже теплое.

Чистое поле снега нарядный раз удивительно волное чувство простора возникает, когда ты рассеянаешь лыжня белую целину: идешь, ели, сосны, березы, и это поле, и этот лес, и это небо, и это солнце, связывая их тонкой ниточкой лыжня. А мимо мелькает, сменяются все новые картинки: кустарники, березы, ели, сосны, протиски и перекрестки, и вдруг, с разгона остановившись на поляне, разом очнешься — и мгновение остановившись, показав густую синеву неба и яркую зеленую траву, и окрестности сосен, и лыжные кусты, и голубые тени на снегу — мир ясный, холодный и прекрасный.

И снова идти дальше, знакомым путем. За лыжной дорожкой — прощанье с хорошей лыжней. По ней идешь бес остановившись. Вокруг глухой молодой лес, и даже в солнечные дни проясив в тени, снег сохраняется здесь дольше, а еще можно ходить, когда уже не будет снега в городе и зачернует поля.

Этот путь избирать немногие, но кто часто ходит, верны своему маршруту, и знакомые лица встречаются наизлоде воскресенья. И уже знаешь, что где-то в середине пути свернит в солнечной полосе красивый огибнет: он будет все приближаться и вывется дедушкой, а болон свитере, в красной лыжной шапочке, сама все раскрасневшаяся, с пылающим лицом. Она сосредоточенно проеблет много, даже не взглянув, лишь иногда чуть улыбнется, придуркивал улыбку и не давал воли своей привлекательности больше, чем полагается.

А лыжня дальше — опущенная и полая, деснами будешь, приваган и оврагами, и ионцу дыт с вершин холма увидишь далений, как мираж, весь в призрачной дымке город — твой город, и покажется он сказочно красив.

И уже в сумерках, миновав новые поля и перелески, еле перегадывая ноги, будешь подходить к окресткам, и шагалауаня и перегадыв, а в светлеющем уже по-весеннему дыт засверкает знакомая весенняя звезда... Каждый год в марте...

Сменяются воле тебе луня, неделя — за год, а ты все так же продолжаешь каждую неделю ездить к последнему мартовскому снегу. И, быть может, красная шапочка еще встретит тебе на пути?

Прошла неделя, и уже все переменилось. В городе безраздельная весна, в пригородах — глина и грязь, много серого снега и черные лужи. Но чем дальше от города, тем больше

Окончание см. в № 8.

МАРТОВСКИЙ СНЕГ

Фотограф И. ЧИРКОВА.

снега, и снова чистой белозной беллет поля — последней белозной.

Уже нет той мерзлой ясности неба. Оно становится апрельски-белесым, и во всем — апрельские приметы. Снег ледяной, мокрый, кристаллический; он не липнет и лыжам, но скольжение на нем плохое. Нет на снегу уже голубых теней, посеребрили они, выцвели, а леса стоят, молчаливые, прозрачные. Пустыня та веселая просека — лыжня оплыла. Засыпана хвоей, и уже не встретишь на ней красной шапочки, только снегирь вдали порхает...

А еще через неделю и совсем никого не будет в лесу. И совсем заткнет лес и замрет в оцепенении, и будет исчезать снег, и теплеть воздух, и тогда... Чувство весны все нарастало, нарастало и вдруг обрелось — весна стоит рядом!

И вот конец марту и конец лыжам. Уже почти весь снег сошел в полях, а воздух стал знакомо звенящим. Воздух поет, небо поет, весна поет. Что-то дрожит и звенит в вышоте — нехитрая ликующая песня, устремленная и солнцу, — и, взглядевшись, увидишь, как трепещет крыльями жарворон, поднимаешь все выше, растворяясь в голубой весне.

Конец, конец марту...

Под деревьями и пнями появились кольцевые выганы. А ту поляну, где когда-то мир показався таким прекрасным, прорезал ручеек. Он так и будет бежать, набирая силы, заставляя на ночь и днем продолжать свою работу. Снег на поляне сойдет, а ручеек еще будет бежать, бурлить, и хлынут по нему воды из лесной чащи в овраг, слабей и истощаясь. Этот ручеек ведет весну и четко обозначит ее. Он начался — она началась, он кончился — ее время.

Прощание с последним снегом, прощание с зимой... Но это прощание радостное, без сожаления.

«Неужели весна?» — удивляешься снегу, каждый год в конце марта. И заметишь, все было вчера, а стаянше подсчитывать. Нет, нет, молодость не проходит, пока ты чувствуешь себя молодым, пока ты можешь радоваться весне и говорить: «Неужели!»

Тан так же дальше?

Наступит апрель. Но апрель... Его так долго ждать, а он так быстро пройдет, и после него наступит долгое весеннее похмелье.

А март — он сверхающий, холодный и трезвый. Это — спонное нарастание, знакомое оцепенение того, что сбывается. Это — счастливое движение и счастье.

Этот так дорог март, и за это я люблю его. И если бы можно было, как в сказке, по какому-нибудь шумливому велению, выбрать себе время года, я, наверное, все-таки предпочел бы заново и заново переживать март, предчувствовать весну, ходить на лыжах по последнему снегу и знать, что на лыжне ты встретишь красную шапочку, а в первых сумерках увидишь весеннюю звезду, если бы... Но тут получаются почти стихи: если бы не синели зори в апреле и если бы не смеялся веселый май!

Алексей скатил обивку со стула руками. Буйный смех снеслся, пробрав пальцы, сжимающие виски. Алексей молчал. Молчал и товарищи. Уже давно закончилась смена, пора идти домой. Но никто не думает об этом. Алексей говорит:

— Ой, опять домой! Даже вспомнить тошно. Клава уже и Ирине золотые часы купила...

— Ирине — золотые часы! — недоуменно вскрикнул брови Котля. — Да ведь ей всего два месяца!

— Говорит: «Ну и что ж такого, что два месяца? Часы купить не просит, пусть лежат. Как-никак, вещь в доме!» Не могу я больше... Что хотите делайте! — не может что делать Котля. Толяка, Зоя, Костя, что ж вы молчите!

Но ребята молчали, змуро глядя в землю. Что тут скажешь, что посоветуешь, если Клава им сразу не понравилась: гипроиссуала, с пестрыми ушами и глазами, с калачиком русых волос на затылке... Крутом было столько слесарских девачек. Что же привлекло Алексея и ней, молчаливой, замкнутой!

— И в сам не смог бы толком ответить. Рос Алексеем в детстве, потому что остался в ремесленном, успев после него поработать год два и ушел в армию. Демобилизовавшись, встретил на заводе Клаву, свою землячку. Она была задница и обидчивая. Привнесла широкие взгляды жилава Алексеяны гласуку, носовые платки, забирала рубашки и возвращала такими осветительными в крахмальной болванке, что соседи откровенно завидовали. А те, что постарше, по-хозяйски прямо советовали: «Женись, Алексеек, золотая жена будет! Ведь она тебя любит, разве не видишь?»

Алеся видел. Он влюбился легко и часто, все девчата казались ему симпатичными. Но по-настоящему он увлекался лишь своими изобретениями и девушкой, зная это, не принимал его ухаживания всерьез. А Клава... Ведь он даже и не ухаживал за ней. И все-таки она заботилась о нем, как не всякая жена заботится о муже. Ее болячки руки вносили в Алексею жизнь ощущение родного дома, которого он никогда не знал. Однажды, оставшись внаеде с девушкой, он вдруг спросил:

— Полюбен за меня, Клава?

Она замерла. Сверток за Алексеяны рубашки ним вынул из ее рук, рассыпался. Алеся кинулся подбирать их, осторожно положив на стол, поглядывая рукой.

— Эх ты из выхолода, лучше носовы стами! Молодец ты у меня, Клаанок!

И крепко поцеловал в губы.

...Комитет комсомола выслалому ним комнату. Клава с гордостью перебрала свои пожитки: кровать, шифоньер, стол с двумя стульями. С первых же дней семейной жизни Алешу окружала нехватка, но крепко привыкший уют. Алеся был доволен и не требовал больше.

Вскоре все бригада увлеклась Алексеиной идеей подвесного пути, который должен был облегчить развалку металла в форм. Алеся обиделся к технологии фирмы «Степанович». Предложение казалось им замечательным. Но техноло забрало его: для подвесного пути пришлось бы установить опорные колоны, а они заняли бы площадь формовки. Алеся вместе с товарищами пропалда в техбюлетне, до поздней ночи заскиживался у ребят в общежитие. Клава жестоко ревновала его к друзьям, но была это покаяние.

Наступило лето. Все бригада собралась в туристский лагерь, Алексеек загорелся, привалял к жене:

— Клашюк, айдя на Кавказ?! Все наши еду!

Она оторопело гагнула на него:

— Ты что это! Столько денег перевести! Лучше съезди в деревню, к маме, а деньги сбережешь и кутим стачное зеркало с шкафом — трюмо наделаешь.

— Да ведь у нас есть зеркало в шифоньере, куда ж тебе еще?

— А ты взгляни, как эти трюмо в магазине разбирают! Завчур, вещь стоящая, айдя дуром. А что мы, хуже же, что ли!

Алексеек не мог сказать о соседях ничего плохого. Они были степенны, обходительны и все же быть похотели им, но хитром. Неожиданно было, почему они живут в заводском доме: он работа где-то на базе, она вообще ничего не делала... Но обижать жену тоже

Э. ВИНЮГРАДСКАЯ

ВЕЩЬ В ДОМЕ

не хотелось, и Алеся уступила. Он был человек легкой, ему все нравилось. И трюмо понравивался — сразу видно, что хороший мастер дела.

К Алексеиному удивлению соседи с этих пор стали замечать его Алексеем Федоровичем, а Клаву — Клавой Степановной. С изобретачем было немного смешно, но вместе с тем и приятно.

Вернулся ребята с Кавказа, куда, загорелым, переполненные впечатлениями. Костя невеста, Зойка, тогда подбежала к трюмо, завертелась перед ним, разглядывая себя. Клава насмешливо набрала за ней: «Вертись, вертись! Небось, ступала денежка, а теперь завладела!»

Но Зойка вдруг остановилась и вскрикнула: — А про главное-то и забыли! Алеся, у Костя мася...

И все загоровал разлом:

— Надо поставить полноворотный край! Соображались? Вот дай-ка циркуль, сейчас вбросим!»

— Клашюк, где моя готовальня? — спросила Алеся, не обращаясь.

Клава медленно отговорила: — В чемодане. Потом, сейчас достану.

— В чемодане? — повторил Костя. — Эх ты, изобретатель! Айдя к маме! У нас в бумага найдется и лампа подходящая.

— А заводно посмотрим, какие мы книги достали! — вернула Зойка. — Метрал

И она ушла. А Клава взглянула на себя в трюмо и заплакала.

Неделю две Алеся пропала у товарищей. Но когда трюмо было наконец разобрано и показан прокол, тот в две минуты нашел ошибку: полноворотный край, который предлагал Костя, пересек бы дорогу мостовому краю.

Все нужно было переделать сначала. Алеся приунала. Было неловко и перед Клавой. Она не перепрала его, но и ее молчание было упреком. Алеся стал реже забегать к товарищам. Вечера, свободные от школьных занятий (он учился в детском классе), проводил с женой. Шла в кино или к соседям — смотреть передачу по телевизору. Вскоре Алеся заметил, что надо бы приобрести свой телевизор. Клава с радостью согласилась.

Тенерь Алексеек не уходил из цеха, если была случай подработать. Пронусал даже занятия в школе. Клава тоже старалась «вмешгить» побольше времени, до зрительного мастера, с мастером, если ее вовремя не обслуживали деталями, а те, что могла увести, тащила на себе, не ожидая мотовоза.

В конце сентября купила телевизор. Алеся радовался, приглашая друзей: «Заходи, ребята! Клава столя рад и молчала. И ее молчание действовало сильнее Алексеиных приглашений.

Когда в лагетном уломался один из слесарь-ремонтников, Клава задумалась: ремонтники работам только в одну смену, да и заработок у них был куда выше, чем у Алеши. Она потворила с мастером, тот обещал помочь.

Но Алеся была смущена:

— Как же я уйду из бригады? Что скажут ребята?

— Ребята хоастые. Им все три-трава, а ты семейный! Тебе больше надо, должики почитать!

Бригада встретила сообщение Алексея угрюмым молчанием. Костя кратко резюмировал:

— Изменишь, звичит? Эх ты...

Но Зоя изступилась за Алешу:

— Ребята, не забывайте, что Алеся живет, у него и в самом деле болячки материальные потребности!

— Да ведь трюмо уже, кажется, купили... — с изнаеоркой протину Толяка Гомович.

Алексеек вскринул:

— А что трюмо! Покупай и ты, если хочешь! Что ж, не имело права приобрести вещь в дом!

«Вещь в дом»... Да ты...

Зоя с трудом успокоила ребят.

Алексеек перешел в лагетный, но по-прежнему забегал к товарищам в общежитие, вместе с ними бывал над проломной развалкой. И все же в его отношении с друзьями что-то изменилось.

Зато дома все было хорошо. Соседи забрали свой старенький «КВН» и проскинула все вечера у Алексеиного телевизора. Алексеек принимал их с радостью, к которой привыкшавался и казал тащивая и удавольствие от того, что айдя талант твозу царю, твое утешение, а моему жент.

Если передача была неинтересная, соседс доставала карты: «Как насчет пугачки?» Вывала Алексеек изнотр отказывался играть — ему это казалось неудачным: ведь он, как-никак, комсомолец. Но соседи уверяли, что в преферанс играют все культурные люди, да и сама игра оказывалась такой мудреной, что Алеши зхотелось оладить. Иногда он споконивался, а разгар игры бросал карты: нужно было спешить на занятия. Соседи уговаривали:

— Отдохните разок, Алексеек Федорович. Не беспокойтесь, из школы вас не исключат. Да и в институте пойдете, теперь ведь главное — производственный стаж!

— Стоит ли еще связываться с этим институтом... подхватывала его жена: — весть лет учиться, нука спешит! — говорил Костя.

Ну, ставте инженером. А ведь вам же сейчас куда морально легче, чем любому инженеру! Скажите, кому споконнее живется: вам или вашему начальнику!

— Айдя... — неопределенно выдала Алексеек.

— И так не хотелось после этого дня работать, угоржались в туманительные формулы, расчеты, вычисления... Айдя оставался дома.

Это стало повторяться все чаще и чаще. Давно

ректор школы вызвал Алексея к себе и дал понять, что пройдёт. «А надо ли мне туда ходить? — вслух думал Алексей, уходя. И странное дело: она не возмущала его.

Теперь Алексей редко заглядывал в общежитие. С механической разницей ничего не получалось, и он постепенно охладил к своей класе. Видно, Клава права: все это пустая формальность, а тот, кто зарабатывает своими руками, то уже точно твое. Свои руки не подведут. И все же, когда она намекала, что заливчик Виктор Михеев собирается уехать в отпуск, — искать дилемму — это возможность перейти на его место. Алексей возмущался:

— На ручищу заливайку!

— Так это же вредно! Алексея, только вы пойдёте! Кто-то ведь все равно будет там работать!

— Не могу. Все скажут: опыт за данными рублем потянулся.

Но Клава не отступала. С каждым разом Алексей протискивался все слабее и слабее... и наконец сдавался.

Это был окончательный разрыв с товарищами. Они не ожидали ему ни слова, но при встрече шли прямо на него и не замечали. Алексей пробовал объяснить им, что все это временно, что все равно кого-то должник же будет послать на место Михеева. Но в итоге махнул рукой. Не хочет слушать и не надо.

В день получения он обычно шел по цеху с победоносным видом, помпезная комсомольским билетом, в котором секретарь проставлял сладкие стилизованные выноски. Впрочем, было легко сказать, что, кроме выноски, скрывавшей его теперь с комсомолом... На собраниях он теперь бывал редко, да и то оставался на них невозмутимо-безучастным зрителем.

У Клавы уже не было комсомольского билета. Она подавала заявление о выходе «как не подходящая по возрасту».

В бюро оформился:

— Да ведь тебе только двадцать четыре года!

Она уверенно возражала:

— Что ж из того? Я замужем, так уж какая из меня комсомолка!

Решать никому не возмущалось, во в конце концов приняв заявление. Лишь Костя в конце друзья оставался при особом мнении. Клава спокойно выслаивала речи бывших Алешинских друзей, а после заседания подошла к ним и твердо сказала:

— Вы меня не трогайте. У нас в замк разные дороги. И про Алексея тоже забудете. Был ваш, теперь стал только мой. Понятно?

И ушла.

Она смотрела ей вслед ненавидящими глазами.

— Прощай Алексея! — с тоской воскликнула Тама Головин. — А какой иречь был!

Этот случай кисто смелого асек. Снова взгляды по повски, снова стали проводить вечера в технической библиотеке. Об Алексее уже никто не вспоминал. Только один Костя кусял губы от бесславной обиды, находя в старых чертежах интересные намеки друга.

Костя ненавидел Клаву. Он даже не подозревал, что способен на такую невесту. И кто знает, не это ли помогло ему выиграть некое правильное решение, он предложил сделать монорельс на консолах, который уже никому и в голову не мог помешать в цехе.

Несколько дней сидели над чертежами. Астафьеву решила досада ничего не возмущалось, чтобы не окупиться. Наконец воскресным утром все было готово. Побеждал и Астафьеву, ристолокая, усадия за чертежа. Не прошло и десяти минут, как технолог рылся руками:

— Не самого замечатель! Только один совет: у вас тут развешка ведётся одним кошком, а раньше, помнится, был эскизик двух кошей на коромысле...

Товарищи переглаживались. Это было предложение Алексея, он и эскиз рисовал, только листок затерялся...

— Идите к Алексею! — ревниво сказала Зоя. — Что он, человек, что ли! Да он не меньше нас обрадуется, вот вам!

Не успев они отойти на сотню шагов от дома Астафьева, как встретил Алексея. Он шагнул рядом с тележкой, на которой мерно покачивались светлыми подкрашенными сервизом. Только великим днем работы. Алексей не помогая им, только время от времени повторял просительно:

— Осторожней, братцы! Не обейте.

Зоя бросилась к нему:

— Алексея, кричи «ура»! Наман!

Тележка останавливалась. Ребята подбежали к Алексею, загадочно, объясняя Костю издали.

— Теперь уже все, сам Астафьев сказал!

— Только надо вместо одного коша поставить два, поминишь, ты когда-то рисовал, — добавила Костя. — Айда с нами, Алексей! Это возчики из мебельного! Ну, тогда все в порядке. Хлопцы, знаете, где наш заводской дом? Езжайте туда, вас его жена встретит. Пошай, Алексей!

Но Алексей не двинулся с места.

— Нет, ребята, и лучше потом приду. Как же так вести, без хозяйина... Еше попортил ведра...

Костя поблагодарил.

— И ты мог... В такую минуту... Мы ж все целый год ждали! Эх ты, хозяйин!

— Какой он хозяйин! — не сдерживая презрения, закрикнул Толя. — Он ведь в доме! Но его перебил звенящий голос Зои:

— Ребята, на кого вы время тратите! Айда в библиотеку!

Они просидели там несколько часов. Когда возвращались в общежитие, Зоя заметила:

— Костя, гляди, у тебя в комнате свет!

У всех мелькнула одна и та же мысль: «Алексей...» Не стоварившись, ускорив шаг, потом просто побежал. Подбежал на второй этаж, осторожно пощупав к двери, мягко повернул ручку...

Алекся не слышал, как прототрылась дверь. Он сидел за столом и писал.

Нашал-таки решение, чертёж! И как он сам не вспомнил про этот монорельс! Только зачем так много консолей! Половину можно выкроить — это лишняя тратя металла и времени. А в общем зарплату! Убрать эти калашники — и будет ажур!

Костя молча смотрел на широкую Алешину спину, ему вспоминался вадменное лицо Клавы, потом просто побежал. Подбежал на второй этаж, осторожно пощупав к двери, мягко повернул ручку...

Алекся не слышал, как прототрылась дверь. Он сидел за столом и писал.

Нашал-таки решение, чертёж! И как он сам не вспомнил про этот монорельс! Только зачем так много консолей! Половину можно выкроить — это лишняя тратя металла и времени. А в общем зарплату! Убрать эти калашники — и будет ажур!

Костя молча смотрел на широкую Алешину спину, ему вспоминался вадменное лицо Клавы, потом просто побежал. Подбежал на второй этаж, осторожно пощупав к двери, мягко повернул ручку...

Алекся не слышал, как прототрылась дверь. Он сидел за столом и писал.

Нашал-таки решение, чертёж! И как он сам не вспомнил про этот монорельс! Только зачем так много консолей! Половину можно выкроить — это лишняя тратя металла и времени. А в общем зарплату! Убрать эти калашники — и будет ажур!

Костя молча смотрел на широкую Алешину спину, ему вспоминался вадменное лицо Клавы, потом просто побежал. Подбежал на второй этаж, осторожно пощупав к двери, мягко повернул ручку...

Алекся не слышал, как прототрылась дверь. Он сидел за столом и писал.

Нашал-таки решение, чертёж! И как он сам не вспомнил про этот монорельс! Только зачем так много консолей! Половину можно выкроить — это лишняя тратя металла и времени. А в общем зарплату! Убрать эти калашники — и будет ажур!

Костя молча смотрел на широкую Алешину спину, ему вспоминался вадменное лицо Клавы, потом просто побежал. Подбежал на второй этаж, осторожно пощупав к двери, мягко повернул ручку...

Алекся не слышал, как прототрылась дверь. Он сидел за столом и писал.

Нашал-таки решение, чертёж! И как он сам не вспомнил про этот монорельс! Только зачем так много консолей! Половину можно выкроить — это лишняя тратя металла и времени. А в общем зарплату! Убрать эти калашники — и будет ажур!

...С тех пор прошел целый год. Алексей вернулся в бригаду, вместе с товарищами завоевал звание ударника коммунистического труда, окончил десятый класс. Родился у него дочь Иринка.

Что же ему сейчас посоветовать!

— Алексея, — осторожно произнесла Зоя, — я понимаю, тебе очень трудно. И все же... ведь мы стремимся стать взрослыми... А тут бросить жену с дочкой — ты же давал слово жить по-коммунистически.

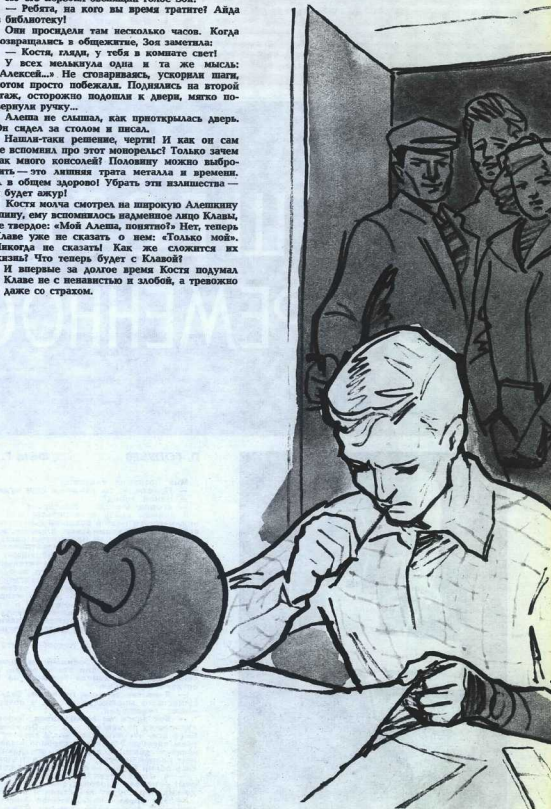
— Я знаю, что ты скажешь об этом. Но помни, Зоячка, поймать ребята, и потому и не могу оставаться с Клавой, кто хочу быть человеком, а не венцом в доме!

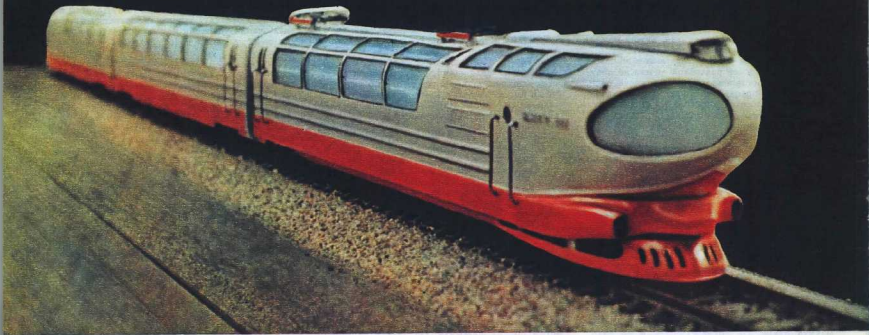
Товарищи молча переглаживаются между собой. Что им скрывать Алексея!

А ЧТО СКАЖЕТЕ ЕМУ ВЫ, ДРУЗЬЯ!

г. Харьков.

Рисунки В. МИХАЙЛОВА.

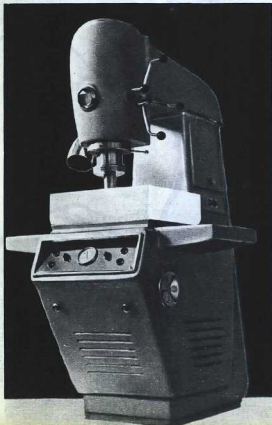

ПУТЕШЕСТВИЕ В СОВРЕМЕННОСТЬ

Я. КАЦЕН. Внешнее оформление дизель-электровоза для Финского вагоностроительного завода. Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени Мухомина.

Г. РЕССИН. Металлорезущий станок. (слева внизу). Московское высшее художественно-промышленное училище (бывш. Строгановское).

П. ГОЛУБЕВ

Фото Г. ДУБИНСКОГО.

Мне позвонил товарищ:

— Приезжай, ты увидишь наш чудесный город.

— Какой город?

— «Город Молодых Мастеров».

Я должен сразу оговориться: мой товарищ — художник, немного поэт и большой фантазер. Зная это, я имел все основания усомниться. Впрочем, как только мы прибыли на вокзал, мои подозрения рассеялись...

У перрона стоит дизель-электровоз. Он напоминает серебристую сигару. Сразу обращают на себя внимание обтекаемые, подчеркнута стремительные формы поезда. И если бы меня спросили, что выражает анешиний вид экспресса, на котором нам предстоит совершить путешествие, я бы, не задумываясь, ответил: скорость.

В длинном просторном вагоне непривычно светло — свет льется через широкие окна и прозрачную крышу. Мы садимся в удобные мягкие кресла с откидными, как в самолете, спинками. Экспресс плавно трогается, и через минуту бегут назад дома, телеграфные столбы, деревья.

— Объясни все-таки подробнее: что это за «Город Молодых Мастеров»?

— Это город, построенный молодежью, — сказал мой приятель. — Весь облик этого города, начиная от оформления зданий и кончая брошкой на пальто у девушки, создали художники.

— Я не совсем тебя понимаю. Ведь во всяком городе существуют множество вещей, и которыми художники не имеют отношения.

— Вот здесь ты ошибаешься. Запомни: современному художнику до всего есть дело. Он хочет, чтобы красивым было все, что окружает нас в жизни: дома, машины, мебель, одежда. Этот город строила наша молодежь: бойкая, веселая, дерзкая, задорная, обладающая острым чувством современности. Вот это и наложито отпечаток на весь облик города — он построен в современном стиле.

— А что следует понимать под современным стилем? — не без удовольствия задай я вопрос, о котором до сих пор слыхать теоретикам и любителям.

— Это вполне определенное понятие. И создали его разумные требования времени. Обрати внимание: новый

стиль прежде всего зародился в архитектуре и прикладном искусстве.

— Почему прежде всего?

— Очень просто: архитектура и прикладные искусства наиболее тесно связаны с жизнью людей, с нашим бытом. Ты согласишься, сколько новых жилых домов строится в нашей стране! Задача была: дать людям больше жилья. Поэтому строить надо хорошо и дешево. Как видишь, сама жизнь внесла в архитектуру принципы разумной экономии, простоты, четкости. А ведь некоторые до сих пор еще считают что дороже, то и красивее. Вольны строение, уникальную архитектуру Дворца съездов в Кремле! Вот что такое современный стиль!

— Пожалуй, в отношении архитектуры ты прав, — согласился я. — А прикладные искусства? Как там проявляется признак современного стиля?

— Точно так же, по принципу «простое и красивое». Возьми, к примеру, оформление интерьеров кинотеатра «Россия», или гостиницы «Юность», или, наконец, новых молодежных кафе. Здесь ты увидишь, что красоту современного стиля создает простая, продуманная форма.

— Кроме того, современность — это осмысленность, выразительность, рациональность во всем.

— Независимо за разговором под веселый перестук ножек мы приезжаем в наш город.

— Да, мой приятель оказался прав: это совершенно новый город. Дома с простыми, четкими линиями фасадов вовсе не похожи на те самые «черебины», где подчас бывает трудно определить грань между простотой и примитивом. Простота архитектуры этих зданий диктовалась современными материалами: сталь, стекло, алюминий, пластик. Конструкция зданий создает впечатляющие легкости и простоты. В этих домах много света и воздуха.

— Ганси — приземистый автомобиль, напоминающий по форме глубоководную рыбу, — мигнул нас по городу.

— Это городской парад — спрашиваю я.

— Нет. Всего лишь завод. Как и все заводы в нашем городе, он находится в парковой зоне. Работает, человек дышит чистым воздухом.

По внешнему виду этот завод мало похож на прича-

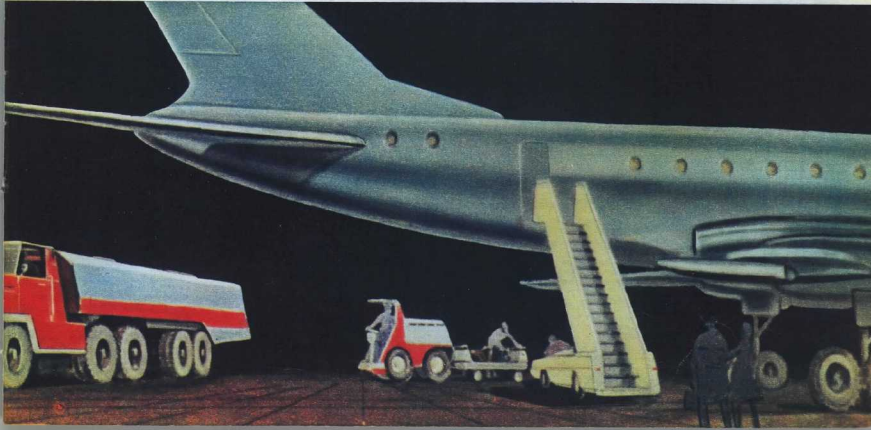

Э. ВОЛКОВ. Оформление кабинета в эрмитажном здании. Лавский государственный институт прикладного и декоративного искусства.

В. ШПАН. Металлообработка вращающейся станком. Московское высшее художественно-промышленное училище имени Строгановцев.

А. ГАЛЕЦНАС. «Праздник урожая». Вышивка. Государственный художественный институт Литовской ССР.

А. БЕЛОКОПЫТОВ. Аэродромный транспорт. Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени Мухомова.

В. ВОРОПАЕВ. «Июль в Париже». Репродукция работы в технике «аппликация». Московское высшее художественно-промышленное училище (б.ш. Строгановское).

З. БЕРНЕР. Декоративная ваза. Элеванский государственный театрально-художественный институт

ную для нас путаницу труб, заборов, рельсовых путей. Скорее это научно-исследовательский центр с просторными светлыми зданиями из стекла и бетона. Мы входим в один из залов. Мягкий рассеянный свет заливают помещения. Везде приборы ходят люди в халатах. Но, оказывается, это не научные приборы, а обыкновенные металлообрабатывающие станки.

— Ну, хорошо, можно допустить, что весь город создан художниками. Но заводские станки...
— Да, и станки тоже. Их облик разрабатывали художники вместе с инженерами. Поэтому по своему внешнему виду, по пропорциям эти станки художественно произведены. Истатки, как ты считаешь, можно назвать «Иванна красная»?

— Я это вижу. Хотя, впрочем, эти слова привели бы в ужас истато пришлое. Пожалуй, современному художнику действительно до всего есть дело.
— Конечно. Недаром Маркс говорил, что человек преобразует мир «по законам красоты». И вот тебе пример творения искусства в совершенно новую область. Смотря этот металлообрабатывающий станок спротиворечив очень просто, дельно, его форма функциональна, все в ней строго обусловлено и компактно. Все продумано до мелочей, дана окраска — не угнетающая зрение серо-блестясто-серый цвет. Люди работают в обстановке, благоприятствующей творческому труду.
Осмотрев завод, мы продолжая прогулку по городу,

— Раз ты хочешь быть моим гоним, — говорю я, — то давай посмотри, что обрушил людей в их домах.
— Нет ничего проще. В наших городских кварталах обшаривать — предоставлять молодому человеку с его всей обстановкой, как раз такой новый дом сейчас подготовлен и сейчас, и мы можем посмотреть облик на будущих кварталов.

— Эти кварталы тоже обставят художники!
— Конечно. Художники разрабатывают оформление квартир вплоть до мелочей.

Мы прошли в тесную художественную квартиру. Комнаты, по размерам не очень большие, выглядят просторно. Преобладает малогабаритная мебель.

Перед нами простая и недорогая, но очень приятная обстановка. В интерьере нет ни одного лишнего предмета, как на поминках, подчеркнуты простота и четкость линий. Дюжино было это очень удобно и для производства. Истатки, вытертые, и за окном это кажется не бланко красным — они легки и дельны.

Здесь на стенах висели плоские репродукции картин, вместо пыльных ковров хорошо использована декоративная плитка, серая, простой формы плафоны. Нет здесь и стучащих бумажных цветов, толстых стучащих ковров в декоративной вазе.

Глядя на все это, я подумал: вещи, как и люди, имеют характер. И главная черта характера вещей, которые я увидел в «Городе Молодых Мастеров», — простота и простота.
Моя товарищ словно угадал эти мысли.
— Как видишь, здесь нет никакой наготы. И в то же время нет безликих, серых вещей. Каждый предмет участвует в едином ансамбле и исполняет как красное декоративное пятно. Не забывай, что вещи имеют свой цвет и уже этим украшают комнату. Но и безразличной простоты следует избегать. Смотря, как декоративно красиво выглядят эти книги с яркими обложками. Или как уместна на полке эта неравносторонняя скульптура. Русская народная матрешка здесь истатки, а слоники, например, выглядят бы тут андромедки.

Во всем облике квартиры видно, что художники стремились к тому, чтобы вещи не изумляли, не подавали человеку своего величия. Каждый предмет уместен, служит человеку и создает у него хорошее настроение.

В этот день мы побывали в цинкографии, клубе, кафе. В здании театра не было лепных потолков, зеркала в золоченых рамках, пыльных люстр с хрустальными подвесками. Зато приятно было посидеть в просторном светлом зале и кафе, где мягкие кресла из пластика, простые окраска стен в разные цвета и умело использованные декоративные панно и витражи создавали уют. Не помпезность и роскошь, а простота и рациональность — признаки этого уюта.

Не только интерьеры, но и фасады многих общественных зданий города украшены декоративными росписями. Это как бы наглядная летопись жизни нашего народа и ней прославляющей героический труд советские люди, полеты в космос, мир и дружба.

Но что же эти художники, создавшие такой удивительный город?

— Это вымыслили промышленно-художественные вузы. В отличие от художников, создающих картины, их можно назвать художниками, создающими вещи, художниками, украшающими быт человека. Они делают то, что в далекие времена называлось ремеслом. Но ведь тогда слово «ремесленник» не считалось зазорным, потому что ремесленники были настоящие художники. Или Юла Брюнонн и Ровена Роланда. Это старое ремесло-искусство погибло в эпоху капитализма. Но в наши дни художники возрождают красоту вещей. Профессиональная индустрия.

Мой приятель, как я сказал вначале, — большой фантазер. Это он придумал «Город Молодых Мастеров», так же как Александр Грин — свой Зурбаган. Но за всякой фантазией есть реальная основа. Есть она и в нашем рассказе.

Мы с вами действительно путешествовали, но нам не пришлось ехать далеко. Чуждый город находился тут же в Москве, на Пролетарской улице, в зале Академии художеств, где размещалась Первая всесоюзная выставка дипломных работ студентов вузов и факультетов декоративно-прикладного искусства. На многих вещах мы читали оптимистическую надпись: «Принято для массового производства». Мы шли по залам выставки и как бы совершили путешествие по воображаемому городу, потому что почти каждому экспонату находилось место в «Городе Молодых Мастеров».

Значит, он существует.

В. МОСТИН. Коррида. Керамика. Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени Мухомовой.

В. СМЕРДИЦОВА. Проект набора мебели. Московское высшее художественно-промышленное училище (б.ш. Строгановское).

ОЛИМПИАДЫ

В январе 1961 года началась 5-я шахматная олимпиада «Смены». На этот раз традиционное значное совпадение читательского носило характер истинного шахматного кадрафона: оно состояло из десяти туров:

1. Решение шахматных задач.
2. Проведение классификационных туров олимпиады.
3. Турниры олимпиады.
4. «Попробуй угадать».
5. Что из знания о «подвигах»?
6. Шахматы шутки и головоломки.
7. Кто лучше разберется в энциклах?
8. Коммунации и логика.
9. Коммунационные игры.
10. Шахматы выигрывают.

Наряду с классификационными шахматными местами, выданными в мастера, в перерывах олимпиады в нашей олимпиаде приняли участие посетители шахмат, не имеющие никакого рейтинга.

Олимпиада вызвала большой интерес читателей. В редакцию приходили письма из самых отдаленных районов Советского Союза от молодых рабочих и студентов, школьников и студентов, повзрослевших в Советской Армии и Флоте. Приятно было видеть среди участников нашей олимпиады и читателей Болгарии, Польши, Румынии, Монголии и Китая. Кстати, двое из наших зарубежных друзей стали призерами олимпиады.

Наиболее массовым явлением этой олимпиады стало в турнирах новичков приняло участие более 10 тысяч человек. 7 800 любителей шахмат по результатам этих турниров получили сертификаты на получение классификационных номеров в международном.

Во всех туров 5-й олимпиады участвовало более 17 тысяч человек. За исключением отдельных туров отборочных соревнований, участниками 340 участников олимпиады «Смены» в составе исследовательной мира проследовали в С. Мясоедов, заместитель председателя Шахматной Федерации СССР мистров Л. Асвамова, мастеров Ю. Тусева, В. Любавинского (председатель жюри) и А. Чистового определило победителей 5-й олимпиады, которая, участвуя во всех турах, набрала наибольшее количество баллов.

ПОБЕДИТЕЛИ

1-е и 2-е места с превосходным результатом 183 балла из 200 возможных принадлежали чехине Янорска-Заводы из г. Пльзень, представительницы индустриальной области, Людмиле Петровой и секретарю комсомольской организации колхоза имени Ленина, с.а.а. Рокки, Ягломского района Грузинской ССР, Гурьян Микавадзе.

3-е место со 178 баллами занял учитель математики 155-й средней школы г. Ленинграда Владимир Гурвич.

На 4-е место со 177 баллами вышел алмагачинский младший научный сотрудник отделения Биологической Академии наук Казахской ССР Иар Сиверцев.

5-е, 6-е и 7-е места со 180 баллами разделили офицер Военно-Морского Флота Георгий Голин, инженер-энергетик из г. Кыргин (Армения) Ашот Ашотович Гринян и колхозник из села В. Во-

В. ГУРВИЧ.

К. СИВЕРЦЕВ

Г. ГОЛИН.

А. ГРИГОРИАН.

Г. ЖУРАВЛЕВ.

Победители олимпиады награждаются специальными шахматными часами и специальными дипломами.

По предложению жюри редакции выделена группа призеров олимпиады, в которую включены наиболее активные участники, успешно выступавшие в ряде туров. В число призеров вошли также читатели, участвовавшие во всех пяти олимпиадах «Смены».

Вот их имена: В. Антонов, учитель 12-й средней школы (г. Вышний Волочек, Калининская область); Б. Батом, военнослужащий, Я. Бендауль, учитель (г. Гурай, Латвийская ССР); В. Болынов, инженер (г. Томшин, Московская область); Л. Бондарь, диспетчер мотопарк шахты № 10 (г. Снежинск, Донецкая область); Ван Чэн-чэн-ян, студент педагогического института (г. Гуанчжоу, Китайская Народная Республика); И. Варченко, врач (г. Минусинск); А. Волков, актер обрядтеатра (г. Череповец); Б. Варенев, рабочий Вареневской металлургической фабрики (Горьковская область); А. Галиев,

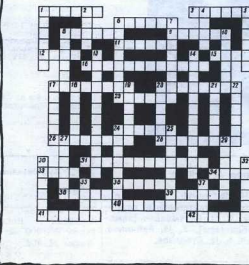
комбайнер колхоза «Целинка» (Борчутская область); Р. Головин, заводской фермер колхоза (Зиминский район, Харьковская область); В. Горбунов, прутинский литейно-механического завода (г. Врест), Г. Дашдари, студент (Монгольская Республика); Д. Демуров, ученик 10-го класса 80-й средней школы (г. Тбилиси); А. Карсаев и М. Соловьев, офицеры Черноморского флота; В. Колосников и А. Иусин, инженеры-строители (г. Пенза); И. Молдавьян, ученик 10-го класса 4-й средней школы (г. Корсаков, Сахалинская область); А. Нагорный, газосварщик (Саян).

А. Петелин, моторист райколхоза Судан, Крымская область); А. Потемкин, мастер завода «Гарс» (г. Череповец, Вологодская область); Ф. Рамонов, директор 83-й средней школы (г. Караганда); Т. Сарсенбеков, учитель школы № 11 (Ленинградская область); В. Ураичев, слесарь Уралгазозавода (г. Нижний Татыш); С. Ченчев, студент (г. Долгорукий, Московская область); А. Чернин, техник-строитель (г. Витебск).

Все они награждаются шахматными инструментами и специальными дипломами.

КРОССВОРД

Составил К. ПАРНИСКИЙ, г. Чистополь.

По горизонтали:

1. Морской порт в Мемеле, сооруженный с участием советских специалистов.
3. Спутник планеты Уран.
6. Озеро в Красноярском крае.
8. Порода сплотившихся собак.
9. Селен промышленного рыволовства.
11. Техническое приспособление для работы.
12. Пресноводная рыба.
15. Практически съедобная ягода, являясь 16. Научно справочное пособие.
17. Духовная повозка, приводимая в движение двигателем.
20. Парламент Норвегии.
23. Научно-фантастический роман А. Толстого.
24. Фотографическое изображение.
26. Храбрость, отвага.
28. Насекомое.
31. Роман Л. Толстого.
33. Чувство меры.
34. Курорт в Крыму.
36. Русский механик XVIII века.
38. Декоративный вечнозеленый кустарник.
39. Часть фотопластины.
40. Частный свет.
41. Синтетическое волокно.
42. Поле-сазанка Г. Туная.

По вертикали:

1. Приток Дуная.
2. Исландское время памятного события.
3. Морской ветер.
5. Персонаж оперы И. Римского-Корсакова «Садко».
6. Лабораторный сосуд.
7. Музыкальный инструмент.
8. Инструмент для получения круглых отверстий.
10. История Древнего Рима.
13. Переработка литературного произведения для экрана.
14. Энергетическое предприятие.
17. Автор памятника Минину и Пожарскому в Москве.
18. Народный художник СССР.
19. Город на юге Китая.
20. Машинка для обработки металла, дерева.
21. Английский порт на Северном море.
22. Выселенный лагерь времен крестного похода.
24. Болгарская монета.
25. Вид самонаторного плавания.
27. Русский математик. 28. Десная певчая птица.
30. Образцовый меч.
32. Французский артист XIX века.
35. Музейный ансамбль.
37. Равновесие.
38. Крупного рогатого скота.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

1. Харламова.
4. Рашель.
5. Бранно.
8. Овсешана.
11. Иппер.
14. «Чайка».
15. Должник.
16. Чапур.
17. Оправа.
20. Эригера.
22. «Игит».
23. Савис.
26. Перевисля.
27. «Каренин».
28. Жулия.
29. Стелана.

По вертикали:

1. Мяслова.
2. Эверра.
4. «Родина».
6. Овешно.
7. Венчик.
9. Инедженева.
10. Рашель.
12. Деланья.
13. Сторича.
18. Орлова.
19. Парнин.
21. Осеева.
24. Загерс.
25. «Радуга».

ГЕРОИ ЛЕДЯНЫХ ДОРОЖЕК

Фото В. ТОККЕЛЯ и А. БУРДУКОВА.

Примерно в одно и то же время, 18 февраля, в Москве и финском городе Иматре совершили подвиг почта чемпионов мира 1982 года по конькобежному спорту — советские спортсмены Виктор Косичкин и Инга Воронина.

Центральный стадион имени В. И. Ленина в Лууниках, Метевя, Мороз. И до отказа забитые трибуны. Еще бы! Спортсмены двадцати стран прибывали в советскую столицу, чтобы бороться за лавровый венок чемпионов мира. И на конькобежном льду Зрители покорили мощнейший бег Евгения Гришина на дистанции 500 метров, «Король спринта» и на этот раз выступил поистине по-корольски, 41,7 секунды — новый рекорд московского льда! Швед Мвар Нильссон удивил зрителей на ставленинской дистанции 3 000 метров. Томе рекордные для Москвы время — 8 минут 3,2 секунды! А на второй день результаты оказались еще более высокими. Борис Станин установил новый рекорд столицы на 1 500 метров — 2 минуты 13,9 секунды, а второй Нильссон — Юнни — показал в бега на 10 000 метров низышее достижение для равнинных натсок вообще — 16 минут 29,4 секунды. Да и в многоборье достижение лучшего из лучших В. Косичкина — 180,240 очко — оказалось рекордным для Москвы!

Если в Москве вопрос, кто же окажется сильнее, былнесен вплоть до забегов на 10 000 метров, то в Иматре, где лавровый венок оспаривали женщины, все выглядело иначе. Тут вне конкуренции оказалась Инга Воронина, победившая на трех дистанциях из четырех. В третий раз прекрасная советская спортсменка стала чемпионкой мира!

Да, звезды конькобежного спорта нам и праздник и лавры! Мы от души поздравляем советских конькобежцев с блестящими успехами.

Фото Т. МЕЛЬНИКА.

Четвертая страница обложки: Карлита, Прокусы.

Фото В. ГИПЕНРЕЙТЕРА.

Первая страница обложки: Анна Мороз, начальница смены цеха коммунистического труда Оренбургского регенераторного завода, Комсомольца Оренбургского избрана ее делегатом на XIV съезд ВЛКСМ.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартановская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Б 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы литературы и искусства — доб. 2-15; очерков и публицистики — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; юмора и сатиры — доб. 4-79; писем — доб. 2-53; науки и техники — Б 7-95-92; информации — Б 7-65-92; оформления — Б 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакторы: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долгаловский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разумных [заместитель главного редактора], Е. И. Рыбчиков, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Б. Стуков.

Оформление В. Соколова. Технический редактор Н. Будкина.

А 00050. Подписано и печатно 19/III 1983 г. Тираж 600 000 экз. На д. № 515. Заказ № 634. Формат бумаги 70x108¹/₈. 2 б. л. — 5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда», Москва, ул. «Правды», 24.

Парнишка

Музыка А. АБРАМОВА.

Слова И. ШАФЕРАНА.

В пократом ан светом сибирском селе,
В краю ан рязанскя берег,—
Но в общем на напей, на русской земле
Родился парнишка и рос.
Он в школу ходил, он гонил голубей.
Он старе глаза хранил.
И песню простую, чтоб жить веселей,
Он сам для себя сочинил.

Вставала Матинка в рабочем дыму,
«Челюскин» раскалывал лёд,
И часто казалось парнишке тому,
Что слава его обойдет.

И даже любовь, уж чего тут скрывать,
Ему незнакома была,
Когда в сорок первом году воевать
Парнишка страна позвала.

Он был под Варшавой уж напевал —
От Родины милой вдалеке,
Но песню, которую он напевал,
Содвиги домой привнесле.
К далекой планете в синевы огни
Советский летит звездолет.
И песню парнишки в кабине своей
Такой же парнишка поет.

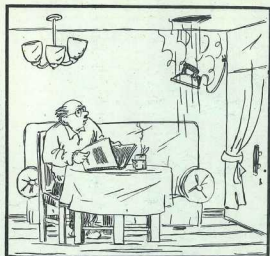
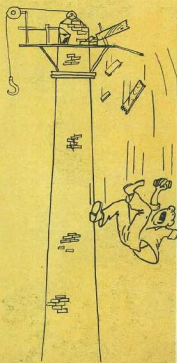

Травопольщик у окулиста.

Рисунок А. Шабанова.

— Обещаю больше никогда
не пить на рабочем месте!

Рисунок Ю. Степанова.

Владимир ФАТЕЕВ

СУД БУЛЫЖНИКОВ

В стекле заметили
Пятно,
Пустик, песчинку!
Но
Булыжники
Другого мнения были.
Они Устроили
Товарищеский суд
И вердикт
Стекло разбили тут.

(г. Нострома)

Рисунок Р. Оввиняна.

— Ва! Опять соседи в театр
пошлись...

Рисунок В. Роголина.

— Мама, я хочу помочь тебе по
хозяйству.

Рисунок Ю. Солина.

